

№8

Август 2022

РУССКИЙ КЛУБ

Стр. 34

ГРУЗИНСКАЯ «ПЕРЕЗАГРУЗКА»
РИМАСА ТУМИНАСА

РЕДАКЦИЯ

Грузия 0105, Тбилиси,
пр. Руставели, 2
тел./факс: (995 32) 293-43-36
E-mail: rusculture@mail.ru
www.rcmagazine.ge
www.russianclub.ge

Главный редактор
Нина ШАДУРИ-ЗАРДАЛИШВИЛИ

Заместитель главного редактора
Владимир ГОЛОВИН

Редакционная коллегия:

Алла БЕЖЕНЦЕВА
Инна БЕЗИРГАНОВА
Эмзар КВИТАИШВИЛИ
Михаил ЛЯШЕНКО

Дизайн и верстка
Давид ЭЛБАКИДЗЕ-МАЧАВАРИАНИ

Допечатная подготовка
Елена ГАЛАШЕВСКАЯ

ОБЩЕСТВЕННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА «РУССКИЙ КЛУБ»

Грузия
ЗУРАБ АБАШИДЗЕ
ВАЖА АЗАРАШВИЛИ
НАНИ БРЕГВАДЗЕ
ГУДЖА БУБУТЕИШВИЛИ
РОИН МЕТРЕВЕЛИ
ИРМА СОХАДЗЕ
АЛЕКСАНДР ЭБАНОИДЗЕ

Армения
КАРИНЭ ХАЛАТОВА

Беларусь
ВАЛЕНТИНА ПОЛИКАНИНА

Великобритания
КНЯЗЬ НИКИТА ЛОБАНОВ-РОСТОВСКИЙ

Израиль
ДАВИД МАРКИШ

Россия
ЗАУР КВИЖИНАДЗЕ
ЕЛЕН ДОРИС

Франция
ГРАФ ПЕТР ШЕРЕМЕТЕВ

© ПРИ ПЕРЕПЕЧАТКЕ ССЫЛКА НА
«РУССКИЙ КЛУБ» ОБЯЗАТЕЛЬНА

В ТОРГОВУЮ СЕТЬ ЖУРНАЛ НЕ ПОСТУПАЕТ

ISSN 1512-2972

UDS: 008.1(47922:470)
C-24

№8 (202)
Август 2022

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ
МЕЖДУНАРОДНЫЙ КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ СОЮЗ «РУССКИЙ КЛУБ»

РУКОВОДИТЕЛЬ ПРОЕКТА
НИКОЛАЙ СВЕНТИЦКИЙ

«საზოგადოებრივ-მხატვრული გამოცემა»

საზოგადოებრივ-მხატვრული გამოცემა

СОДЕРЖАНИЕ

- 4 ОТ А ДО Я
РОБ АВАДЯЕВ
- 6 «РАССКАЖИ МНЕ О ГРУЗИИ...»
АЛЕКСАНДР ЭБАНОИДЗЕ
- 12 БЕГИ ИЗ ВАВИЛОНА
ДАТО МАГРАДЗЕ
- 14 СТЕЧЕНИЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ АЛЕКСАНДРА ВАМПИЛОВА
ИННА БЕЗИРГАНОВА
- 20 ОТ ЛИЧНОГО К ВЕЧНОМУ...
НЕЛЛИ СКОГОРЕВА
- 25 МОЛОДОЙ, РЕЗВЫЙ, ВЛЮБЛЕННЫЙ...
- 26 ТЕ ИМЕНА, ЧТО ТЫ СБЕРЕГ
ВЛАДИМИР ГОЛОВИН
- 32 ИЗ ГАЛАКТИОНА ТАБИДЗЕ
ВЛАДИМИР АЛЕЙНИКОВ
- 34 ГРУЗИНСКАЯ «ПЕРЕЗАГРУЗКА» РИМАСА ТУМИНАСА
НИКОЛАЙ СВЕНТИЦКИЙ
- 36 ТВОРИТЬ – ЗНАЧИТ УБИВАТЬ СМЕРТЬ
КЕТЕВАН МГЕБРИШВИЛИ
- 40 ФУТБОЛ, МИХАИЛ МЕСХИ И ГАЗЕТА «ПРАВДА»
СЕРГЕЙ ИОАННЕСЯН
- 44 ОТ РАННЕГО ГРУЗИНСКОГО ПОРТРЕТА ДО ПИРОСМАНИ
ИРИНА ДЗУЦОВА
- 47 ШТУРМАН
- 48 ЕСЛИ БЫ СОБРАТЬ ЦВЕТЫ ВСЕГО МИРА...
- 54 «ПОЭЗИЯ – ПРЕЖДЕ ВСЕГО»

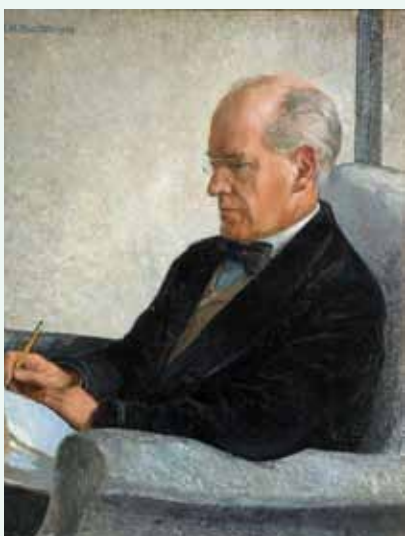
На обложке — **Римас Туминас и Роберт Стура**

а от до

Роб АВАДЯЕВ

МОРСКОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ, ИЗМЕНИВШЕЕ СУДЬБУ

Мы привыкли считать, что настоящие творцы – писатели, поэты, художники, артисты и музыканты – почти всегда обладают трудным, подчас невыносимым характером. Мы привыкли оправдывать их в эгоизме, жадности, жестокости к близким, скандальности, в пьянстве или тяге к наркотикам, преклоняясь перед их шедеврами. Но знаете, друзья, бывают и исключения, когда творец и гений – хороший человек. Не часто, но бывает. Вот об одном таком редком персонаже мы и поговорим. Это писатель, англичанин из чопорной солидной семьи, отучившийся в привилегированной закрытой школе Хэрроу и изучавший право в Нью-колледже Оксфордского университета. Почти без вредных привычек, исключая увлечение скачками и картами. Впрочем, во взрослости юношеский азарт спал, и наш герой остался отличным игроком в бридж и иногда ездил на королевские скачки в Аскот. Писателем он был плодовитым – 20 романов, 30 пьес, 3 сборника стихотворений, больше 170 повестей и рассказов,

5 сборников эссе и т.д. и т.д. Романы он писал толстые, многотомные. В детстве, когда мы видели такой увесистый том на материнской прикроватной тумбочке, то вздыхали и зевали. Мальчишкам, читающим фантастику и приключения, было не понять, как наши мамы могут читать и перечитывать подробные описания жизни английского аристократического семейства. И только спустя годы, вчитавшись, мы постигли всю мудрость и доброту знаменитой «Саги о Форсайтах». Да, сегодня мы вспоминаем о ее великом авторе – Джоне Голсуорси, которому 14 августа исполняется 155 лет со дня рождения. Он родился в 1867 году в Кингстон-Хилле, в английском графстве Суррей. Его отцу было хорошо за пятьдесят, когда родился Джон. Он был юристом и директором сразу нескольких компаний. А матушка будущего писателя происходила из высокопоставленной и влиятельной семьи владельцев «заводов, газет, пароходов», о чем она частенько напоминала мужу, занимавшему более низкое, чем она, положение в обществе. Молодой Джон не хотел становиться юристом, он желал посмотреть мир, и отец, скрепя сердце, отправил его в морское путешествие, чтобы он формально наблюдал за семейным бизнесом в сфере морских перевозок. Джон побывал в Австралии, Новой Зеландии, на островах Фиджи, в Новой Каледонии и даже добрался до забытого богом острова Нумеа, где находилось поселение каторжан. Там Голсуорси впервые столкнулся с жизнью заключенных и решил, что будет бороться за облегчение их судьбы, что в дальнейшем и исполнил. А потом, чтобы успеть на свадьбу сестры, он в новозеландском порту Окленд ступил на палубу клипера «Торренс», где подружился с симпатичным и умным старшим помощником капитана Юзефом Корженевским, эмигрантом-поляком из России, который из Одессы переехал в Англию и, сдав экзамен, получил морской патент. Молодые люди за два месяца крепко подружились. И Юзеф решился показать новому другу Джону рукопись своего первого морского романа «Каприз Олмейера». Голсуорси был восхищен и по возвращении в Англию направил эту рукопись знакомым издателям. Книгу опубликовали. И появился великолепный английский писатель Джозеф Конрад – такой псевдоним Джон придумал для Юзефа. Они остались друзьями на всю жизнь. Итогом путешествия Голсуорси в Южные моря стало полное отрицание предначертанной ему родителями карьеры юриста. Он остался страстным путешественником и стал писателем. Джону повезло, он быстро приобрел популярность по обе стороны океана.

А женился он на женщине, с которой тайно встречался больше десяти лет. Ее звали Ада, Джон «отбил» ее у своего кузена, с которым она была несчастлива. Именно Ада стала прототипом Ирэн Форсайт. И вообще, у многих Форсайтов были прототипы из родни Голсуорси. Джон оказался гениальным писателем-реалистом, понимающим и любящим людей. Он и в жизни был щедрым и добрым, отдавая больше половины своего дохода на благотворительность. В Первую мировую он с Адой работал во Франции в военном госпитале, занимаясь паллиативной медицинской помощью раненым солдатам. В 1917 году Джон отказался от рыцарского звания, полагая, что писатели и реформаторы принимать титулы не должны. Он активно выступал за социальные реформы, агитировал за пересмотр законов о цензуре, разводе, минимальной зарплате, женском избирательном праве. Незадолго до смерти ему была присуждена Нобелевская премия, но вряд ли она была для него так уж важна – Голсуорси не отличался тщеславием. Он был не только успешным творцом, но, в первую очередь, просто хорошим человеком.

КЕРОСИНОВАЯ ПОВОЗКА ДЛЯ ВЕРХОВОЙ ЕЗДЫ

Готлиб Даймлер и его друг, талантливый инженер Вильгельм Майбах, несколько лет проработали под началом выдающегося изобретателя двигателя внутреннего сгорания Николая Отто. Но потом разошлись с ним во взглядах и отправились в другой город создавать новую фирму. За несколько лет они сконструировали новый, гораздо более мощный двигатель. Очевидно, что довольно компактный и не такой хлопотный в обслуживании, как паровой, двигатель можно было приспособить на какую-нибудь повозку. Даймлер решил, что это будет велосипед, и запатентовал идею 29 августа 1885 года под названием «керосиновая повозка для верховой езды Даймлера». Сам он строить такое транспортное средство не стал, но это сделал его сын Адольф

вместе с Майбахом. Они сколотили деревянную раму, прикрепили к ней колеса с железными ободами и деревянными спицами, приделали простой руль и установили двигатель, изготовленный Даймлером, использовав ременную передачу. А потом подумали и добавили по бокам два небольших ролика для устойчивости, чтобы не упасть — ни один из них не умел ездить на велосипеде. Получилось устройство массой 50 кг, с одноцилиндровым бензиновым двигателем, мощностью в половину лошадиной силы. Первым решил испытать это чудо техники Майбах. Он вскочил в седло и помчался с бешеной скоростью аж в 12 километров в час. Готлиб с сыном ждали долго. Наконец, Майбах, проехав шесть километров, въехал во двор, соскочил на землю и устало сказал: «Это не машина, это костедробилка. Я вас поздравляю!» А потом с грустью принялся рассматривать прогоревшую штанину новых брюк — дырку прожег перегревшийся двигатель. Вильгельм утешали, а фрау Даймлер вылезла лично поставить заплату. Сын Адольф тем временем закатил первый в мире мотоцикл в гараж. Больше Даймлеры мотоциклов не делали. А тот, самый первый, сейчас находится в музее.

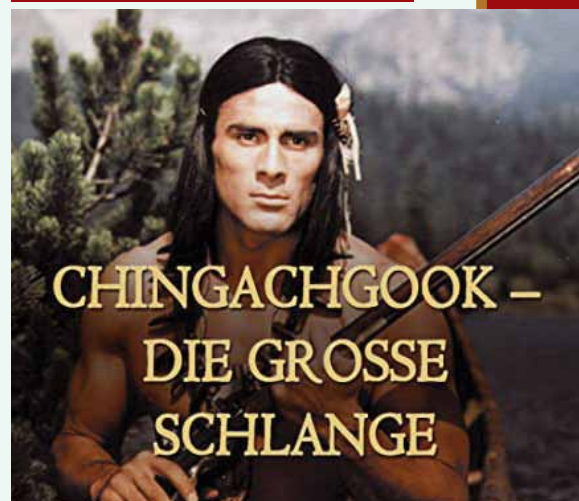
УДАЧА ВЕЛИКОГО НЕУДАЧНИКА

В первых числах августа далекого 1492 года из гавани испанского города Палос-де-ла-Фронтера вышли три небольших суденышка, и скоро их мачты с парусами скрылись за горизонтом. Корабли-каравеллы назывались «Санта-Мария», «Нинья» и «Пинта». Так началась новая эра — это храбрый Кристоаль Колон, известный нам под именем Христофора Колумба, отправился открывать Америку. Однако развеем легенды. Во-первых, никакой Америки Колумб открывать не собирался, он искал обходной путь в благословенную Индию, страну золота, драгоценных камней и специй. Ведь прямой путь вокруг Африки захватили заклятые соседи-португальцы. В те времена люди были не такими уж невежественными, прекрасно представляли себе истинную форму нашей планеты и догадывались, что если плыть на запад, попадешь на восток. А во-вторых, хотя это и не так важно, «Санта-Мария» была не каравеллой, а караккой — довольно крупным торговым судном для морских перевозок, длиной в 25 метров, с экипажем в сорок моряков, к тому же снабженная 12 пушками. Каравеллами были два других судна — «Пинта», под командой капи-

тана Мартина Пинсона, и любимица Колумба «Нинья», в переводе с испанского «девочка», а по правде «Санта-Клара». Она была с Христором в трех экспедициях, и на ней, начиная со второй половины первого плавания, всегда реял флагманский штандарт. Итак, три кораблика-скорлупки, по сегодняшним меркам, стартовали из Старого Света, чтобы через 72 дня увидеть Новый Свет. Человек, которого при жизни не раз называли авантюристом и обманщиком, чужак, приехавший из Италии, пытавшийся служить то Португалии, то Англии, а в итоге, неизвестно по какому капризу, попавший под кровительство совсем не сентиментальной и грозной королевы Изабеллы, победил и попал в историю. Он открыл земли, о которых столетиями слышали легенды моряки, туда, по слухам, корабли иногда забрасывали штормы и туманы. Но реальных доказательств существования земли по ту сторону океана не было. А Колумб взял и совершил безумно храбрый рейс, разведав надежный путь для освоения новых земель. Правда, тот край был населен, и не такими уж отсталыми народами. Его жителям открытие Колумба принесло гибель и лишения. Вслед за ним туда хлынул поток искателей наживы и приключений, кровавых конкистадоров. Но это уже история.

АХ, ЭТО ЛЕТНЕЕ КИНО, ИЛИ ГРОСС ШЛАНГ

Далекое жаркое лето 1967 года, ровно 55 лет назад. Полдень. Плавится от жары асфальт, раскаленный воздух стоит неподвижно, пыльные листья старых лип и тополей не колышутся, нет ни дуновения ветерка. И вдруг в сонный двор влетает взъерошенный вспотевший мальчишка и, выйдя на середину, начинает выкрикивать имена всех наших дворовых ребят, которых матери зазвали в дом, подальше от жары, пить холодный вишневый компот. Он кричал, что в кинотеатре «Уран» началась неделя гэдээровских фильмов с переводчиком, и первое кино — про индейцев, с Гойко Митичем. Мы высыпали во двор и стали наперебой расспрашивать, что это за кино. Ответ был непонятный: «Гросс шланг». Мальчишеская гурьба почти бегом, невзирая на жару, выбежала на Сретенку. И действительно, в витрине «Урана» была афиша на немецком «Chingachgook, die grosse Schlange», что быстро перевели, как «Чинганчгук, Большой Змей». Читавшие Фенимора Купера начали прямо в очереди за билетами пересказывать не читавшим содержание «Зверобоя», но те отмахивались, мол, не портите удовольствие, сами посмотрим. А после были три сеанса подряд — в кинотеатре в тот день дежурила мама одного из нас. Между сеансами мы прятались в рядах под откидывающимися стульями — это у нас называлось ходить в кино «на протырку». Денег-то у каждого из мальчишек редко хватало бы на второй билет, а нам так хотелось посмотреть фильм и еще оставить монетку на пирожок из чебуречной «Дружба» на Сухаревке, знаменитой, как в Тбилиси — «Воды Лагидзе» на Руставели. А если хватит, то и на стакан лимонада «Ситро» или «Буратино»...

«РАССКАЖИ МНЕ О ГРУЗИИ...»

■ Александр ЭБАНОИДЗЕ

Эта небольшая книга со своеобразной предысторией противостоит тягостной особенности наших дней – неуверенности в будущем. Она написана по заказу московского издательства «Детская литература» на исходе 1990-го года и была принята к производству за месяц до крушения Союза: с Грузии предполагалось начать серию книг о республиках СССР. Планировались «подарочные» издания большого тиража и формата, с использованием всех типографских возможностей «Детгиза».

А через пару лет мне пришлось приложить немало сил для малотиражного и скромного издания – чтобы напомнить городу и миру о моей родине, захлебывающейся в историческом водовороте. События, происходившие тогда в Грузии, продиктовали слова, предпосланные первому изданию: **«Сегодня, когда злая смута увечит и искажает национальные черты Грузии, я хочу напомнить ее подлинное лицо».**

Через тридцать лет острота и боль этих слов поутихли, но, как показывают последние события, разлет осколков рухнувшей империи продолжается...

Тут самое время сказать о положительном заряде книги.

Во-первых, она знакомит читателя со страной, история которой насчитывает три тысячелетия; Грузия – одно из древнейших христианских государств

мира. В такой толще веков гложут тернии политиканства. По этой же причине в книге не говорится о преходящих злободневных событиях последних лет.

Во-вторых, читатель книги соприкоснется с культурой артистичного народа, творящего искусство на стыке Востока и Запада, впитавшего их плодотворные импульсы и в лучших образцах достигшего мирового уровня.

Наконец, в книге эскизно воссоздан менталитет народа, о котором один из умнейших его представителей, знаменитый философ минувшего века сказал: «Пространству, в котором я родился и вырос, присущ редкий дар: это талант жизни, или незаконной радости».

Эти три положительных константы, их добрая энергия призваны приглушить трагическую злобу дня, познакомив читателя со страной, о которой с маяковской яркостью сказано:

Я знаю:

глупость – эдемы и рай!

Но если

пелось про это,

должно быть,

Грузию,

радостный край,

подразумевали поэты.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ВОЗВРАЩЕНИЕ В ПРОШЛОЕ

ПЕРВАЯ ВЕСТОЧКА

В тот день у нас было пять уроков. А потом мы пошли к Чипо на Коджорскую играть в футбол. Вообще-то у меня по четным дням после школы музыки, только я ее не жалую, хожу через раз и на скрипку свою смотрю, как на двойку в дневнике. Но когда Чипо ее между ранцев затиснул – ворота обозначил, я возмутился.

– Ты что, совсем уже, да? Ку-ку?

– А что? – растерялся Чипо. Он знал, как я ненавижу свою скрипку. – Она же в футляре.

– Раз в футляре, значит можно вместо мяча пинать!

– Тоже мне – Страдивари! – отмахнулся он. – Их клепают по триста в день. Восемнадцать пятьдесят штука...

Что за тип этот Чипо! Цену назвал копейка в копейку. Ну хорошо, цену в «Детском мире» углядел. Но откуда он про Страдивари знает?... Когда меня в первый раз привели на музыку, учительница – тетя Манана все про скрипку рассказала, в том числе и про Страдивари, Гварнери и еще какого-то итальянца – фамилию запомнил. Но ведь этот Чипо музыкой не занимается, и вообще ничем, кроме футбола, не интересуется. А все знает...

Что-то на меня нашло, досада какая-то разобрала. Взял свою скрипку и сделал ребятам ручкой, хотя команда подобралась, что надо: Гоча, Дуде, Буцу, Исак, Хачик, очкастый Ражденушка и даже семиклассник Лимпопо пожаловал. Он Чипку за финты уважает и за преданность футболу: на матчи его водит и советует перейти в 35-ую футбольную школу (спецшкола, в которой мальчиков обучают футболу, предварительно отобрав по конкурсу – А.Э.). Если уговорит, останусь я без лучшего друга. Я и сам бы перешел, но, во-первых, родители не пустят, а во-вторых, по конкурсу не пройду – там мальчишки как бразильцы играют...

Дворы на Коджорской упираются в гору. Интересный у нас район: тут тебе и центр, тут тебе и окраина. Забрался на гору и сел на траву под елью. Внизу крыши, веранды, деревья. Иногда стуки машин доносятся, голоса; даже Чипо узнаю: «Го-ол! – вопит, – го-оо-ол!»

Смотрю, слушаю, а настроение какое-то странное; может, и с вами случалось? Вроде, все хорошо: в школе без двоек, папа с мамой не ссорятся, бабушка здорова, и сестренка тоже, а чего-то не хватает, даже сердце щемит... Подо мной наш красивый Сололаки, здесь я родился и вырос. Если подняться выше, весь Тбилиси откроется – вдоль Куры чуть ли не от Мцхета и до Руставели. По ту сторону горы в ущелье – Ботанический сад, по эту – Мтацминда с фуникулером и церковью святого Давида за пазухой, а на нашем крыже – развалины крепости. Если присмотреться, далеко на севере Кавкасион белеет...

Сижу под елью, подбородком в колени. Сам не знаю, чего хочу. Может, мороженого две порции накрутить, или у Лагидзе сливочной с шоколадом напиться...

И в таком настроении при-

тащился домой. Сестренка еще в садике и слава богу, не до ее приставаний. А бабушка выглянула из кухни, как-то странно на меня посмотрела и говорит:

– Переодевайся, мой руки и за стол, пока не остыло.

У меня еще сильнее сердце защемило – от ее усталого лица с бородавкой над бровью, от заботливого взгляда, привычного запаха кухни и привычных слов: «Переодевайся, мой руки и за стол, пока не остыло...»

Ну, переоделся.

Ну, вымыл руки.

Ну, поел...

И это все?!

Вот от чего сердце-то щемит. От однообразия и скуки. А что, если вся жизнь такая... Сейчас бабушка спросит: «Ходил на урок к Манане?», а я совру: «Ходил...»

Но день складывался как-то странно. Вместо того, чтобы спросить про музыку, бабушка достала из фартука конверт.

– Тебе письмо из России, – поднесла конверт к глазам и, шурясь, по слогам прочитала. – Из какого-то Зве-ни-города...

Надо же! Не пойму я этих взрослых, даже когда повзрослею! Мне письмо, а она обедом кормит – из трех блюд с компотом. Как будто я каждый день письма получаю. Да я, может, первый раз в жизни услышал: «Тебе письмо...» К тому же из Звенигорода! Хоть и не силен в русском, все равно расслышал

Сололаки. Улица Ладос Асатиани
(Картина Дж. Вепхвадзе)

Анчисхати

в этом слове далекие колокола, как весной на пасху.

Выхватил конверт и под нашим адресом прочитал: «Николадзе Гие».

— Почему ты решила, что мне? Может, папе...

У нас в роду и я, и папа, и дедушка, и прадедушка — все Георгии, по-домашнему — Гии. Семейная традиция. Когда у меня родится сын, нарочно назову его Нестором или Яшей.

— Почерк детский, — пояснила бабушка.

Что значит — учительница: с одного взгляда определила!

После ее слов и я увидел старательные букочки с наклоном, как будто в косую линию.

Надорвал конверт, раскрыл письмо, оно и внутри с той же старательностью было написано. Наверное, потому бегло, без затруднений прочитал:

«Здравствуй, Гия!

Меня зовут Саша Николадзе. Не подумай, что мы просто однофамильцы, мы с тобой родственники, хотя и далекие, но мой дедушка говорил, что у грузин все родственники близкие, даже если они далекие.

Моего дедушку звали Александр Николадзе. Меня называли в его честь. Наши дедушки были то ли двоюродные, то ли троюродные братья, боюсь спутать, хотя это не так уж и важно.

Дедушка умер в прошлом году, до этого он долго болел. И все время вспоминал Грузию. Он хотел поехать туда, но не мог. Папа с мамой в Анголе по контракту. Три года отработали и еще на три подписали. Будь папа здесь, он бы дедушку отвез, но они даже на похороны опоздали. В молодости мой дедушка дружил с твоим и часто его вспоминал. Потом он умер, а когда я пристаю с расспросами к бабушке, она плачет и божится, что нигде ей не было так хорошо, как на фронте и в вашей деревне. Представляешь? Вот не думал, что на фронте может быть хорошо. Она говорит, что однажды меня возили в вашу деревню, но я ничего не помню, кроме желтеньких цыплят и большого дома.

Гия, у меня к тебе просьба. Я не пропускаю ни одного грузинского кино, ни одной телепередачи. Читаю книги, но их в нашем городе мало. Пожалуйста, расскажи мне о родине! Расскажи все, что знаешь, или пришли мне книги. Я увлекаюсь историей и археологией, учу грузинский по самоучителю. Очень надеюсь, что ты ответишь на мое письмо.

Буду теперь ждать каждый день.

Саша Николадзе.

Дедушка называл меня Сан-

дро».

Первое, что я сделал, — поставил себе «пятерку» по русскому: и сам не ожидал, что так бегло прочитаю.

Потом подумал:

— Эти Николадзе ловко устроились — у нас все Георгии, у них — Александры. Голову лишней информацией не засоряют.

Хотел поделиться своим наблюдением с бабушкой, но увидел, что она присела на табурет и слезы утирает.

— Ты чего, бабуля? — я подошел к ней.

— Ничего, сынок... Ничего... — вздохнула и погладила меня по голове. Потом высморкалась решительно, сложила платок и убрала в карман. — Что же с нами происходит, Гия? Что с нами случилось, детка? Прямо напасть.

— А что? — не понял я.

— Как — что, — вскинулась она. — Нашего Георгия родственник умер, а мы знать не знаем.

— Ты была с ним знакома? — осторожно спросил я.

— Не была, но какое это имеет значение! Слышала от наших. Особенно от Лали... Бедняжка Лали! Она очень расстроится, когда узнает... Надо бы ей позвонить, — и бабушка, вздыхая и шаркая шлепанцами, поплелась к телефону.

Вечером у нас собрались

родственники. Некоторых из них я видел в первый раз. Они вспоминали Александра Николадзе, путались, поправляли друг друга. Из их слов я так и не понял, что занесло его в город со звенящим названием.

Тетя Лали пришла позже других. Первым делом прочитала письмо. Потом потеряла переносицу, тряхнула головой:

— Дорогие родственники! — сказала она и отыскила меня глазами. — Вы, кажется, немного ошибаетесь. Адресат этого письма вовсе не мы с вами, а цель — не уведомление о кончине. Оно адресовано Гие. С просьбой. Поэтому, давайте не предаваться воспоминаниям — мы сделаем это в своем кругу, а откликнемся на просьбу мальчика. Согласитесь, в ней есть что-то трогательное... — Все согласно закивали в ответ. — Я только не уверена, по силам ли нашему Гиечке справиться с таким делом.

— Почему это мне не по силам? — обиделся я.

— Золотко мое! — тетя Лали порывисто обернулась ко мне. — Обиделся! Видишь, какой этот Сандро из Звенигорода Обстоятельный, серьезный. Историей-археологией увлекается, книжки читает. На его вопросы и ответить надо обстоятельно, со знанием дела. А ты у нас мотылек. Какие у тебя знания?

— У меня по истории пятерка, — возразил я.

— Ах вот как! В таком случае скажи, когда произошла Дидгорская битва?

Я не дал ей договорить!

— В тысяча сто двадцать первом!

— А при каком царе Грузия приняла христианство?

— При царе Мириане!

— Ого! — тетя Лали с интересом взглянула на меня. — И дату назовешь?

Я поскреб в затылке, потому что тот вдруг зачесался от вереницы стрекочущих чисел, но ни одно число не хотело остановиться.

— Это было в начале четвертого века, — зуд в голове усилился, но ни одно число не хотело остановиться.

— Кажется, в 332 году, — я перестал скрести голову и уста-

вился на тетю Лали.

— Молодец! — сказала она. — Не такой уж ты мотылек! Почти угадал. В 337-ом. Еще один вопрос: когда и кем был подписан Георгиевский трактат?

— Ну это просто! — от радости я даже подскочил. — Царем Ираклием, в 1783 году.

Но тетя Лали осадила меня:

— Ты не совсем прав. Соглашение с Россией о военной помощи, вошедшее в историю под названием Георгиевского трактата было подписано при царе Ираклии II, но не самим Ираклием, а его послом — князем Гарсеваном Чавчавадзе. К слову сказать, отцом знаменитого поэта Александра Чавчавадзе.

— И дедом Нины — будущей жены Грибоедова, — взволнованно подчеркнула мама.

— Тогда уж не забудьте и старшую сестру Нины — Екатерину, — добавила кто-то из гостей. — Ведь она была единственной любовью и музой нашего Тато (домашнее имя

поэта-романтика Николоза Бараташвили — А.Э.).

Тетя Лали внимательным взглядом обвела гостей и довольная обернулась ко мне.

— Теперь тебе все ясно, Гия?

Мне ничего не было ясно.

— У тебя будут советчики. Десятки советчиков, и не только дома, среди близких. Обращайся, куда хочешь, с любым вопросом! Во всяком случае, наш музей со всеми фондами открыт для тебя. Запоминай, вникай и пиши Саше. Вы сверстники, и тебе это проще... А для начала сообщи ему, что письмо получил и попроси уточнить, когда умер дедушка Александр — нам надо заказать панихиду...

НЫРОК В ИСТОРИЮ

Как сказал Робинзон Крузо после кораблекрушения — с этого дня жизнь моя переменилась. Если он и не сказал так, то уж точно подумал.

Ираклий II

Сионский собор в Тбилиси

Я записался сразу в три библиотеки — в школьную, районную и во Дворце пионеров. Одноклассники и знакомые несли мне книги о Грузии, учебники истории, красивые фотоальбомы. Кроме того, раз в неделю я заходил в музей к тете Лали, где она расспрашивала меня о читанном и виденном и, вызвав по селектору бородатых сотрудников, направляла с ними в залы Древнейшего периода.

— Подумай, с чего начать, — сказала она.

С каждой неделей, с каждым днем я погружался все глубже в прошлое и у меня захватывало дух, потому что погружению не было конца...

Летом в деревне мы играли в такую игру: находили на берегу реки белый камень, размером с блюдце, бросали в омут, а затем ныряли за ним и извлекали со дна. Порой камень застревал недалеко от поверхности воды, даже солнечная рябь играла на нем. Случалось понырять и глубже, до стеснения в ушах. Но иногда камень заваливался в такую расщелину, что не хватало дыхания донырнуть до него, мутная голубизна сменялась темной синевой, синева переходила в лилово-черную муть, и из крошечной тьмы вдруг что-то светило махонькой звездой: уж не белый ли камень?... Переполненный сердцебиением, я из

упрямства делал еще несколько гребков в темноту, но запас воздуха иссякал, и я с пустыми руками испуганно всплывал на поверхность...

Мое погружение в прошлое походило на эту игру. Как глубоко я ни нырял, до дна было далеко. Лишь что-то загадочно белело во тьме...

Я вырос в стойком городе: его десятки раз разрушали завоеватели, и все-таки он выжил и сберег живую древность.

На Метехском утесе высится храм XII века. Наискосок от него, на противоположном берегу Куры розовеет Сионский собор — он вдвое старше Метехи. А неподалеку от Сиони, окруженный резными балкончиками, как золотой слиток среди речных камней — Анчисхатская базилика. Ей без малого полторы тысячи лет. Много? Много. Но при погружении в прошлое я с удивлением обнаруживаю, что это только начало.

В двадцати километрах от Тбилиси, в городке Мцхета, «там, где сливаясь шумят обнявшись, будто две сестры — струи Арагви и Куры», значительно больше памятников старины — ведь Мцхета была столицей Грузии задолго до основания Тбилиси.

Глубоко, но дыхания хватает...

Труднее там, где приплыв-

шие в Колхиду аргонавты на веслах входят в устье Фазиса — так древние греки называли Риони — и медленно движутся против течения: где у истоков Риони, на скале Пасис (не отсюда ли название Фазис?) стонет прикованный Амирани, а южнее Самцхе, к белоглавному Арапату на исходе библейского потопа причаливает Ноев ковчег...

Вот где настоящая древность. Глубина, на которой сумрачно и таинственно. И странно сознать, что можно идти еще глубже. Туда, откуда извлечена пузатая глиняная утварь, украшенная насечками, бронзовые топоры и маленький бесстыжий божок с золотым обручем на шее.

Нет, это бездонный омут! Пора прекратить погружение...

Я понял это, когда Чипо, выслушав мой очередной сумбурный рассказ, спросил:

— А о следах динозавров ты напишешь своему брату?

— Каких еще динозавров? — оторопел я.

— Также мне — горе-историк! — он презрительно пнул подвернувшийся спичечный коробок. — В Кутаиси в пещерах под горой Сатаплиа сохранились следы динозавров, как будто только вчера прошли, ей-богу! Сам видел. Им как минимум шесть миллионов лет.

— Сколько?! — я не поверил

своим ушам. В книгах, которые я читал, счет шел на века, от силы на тысячелетия.

— Насколько я знаю, твоего родственника интересует история Грузии. А древнее этих следов у нас ничего нет.

— Ты хочешь сказать, что это были грузинские динозавры?! — засмеялся я.

Чипо оглянулся на меня и растерянно спросил:

— А по-твоему, нет?..

В первые недели я завалился книгами и альбомами. Даты, имена, события — я беспомощно копошился под ними.

Опять выручила тетя Лали. Что бы я делал без нее!

— Цепочка прошлого бесконечна, — сказала она, — даже мудрецам не найти первого звена. Начни с цивилизации. — Мы сидели в ее большом светлом кабинете. — Надеюсь, теперь ты знаешь, что цивилизация зародилась в четырех очагах. Это плодородные долины Нила, Междуречья, Ганга и Янцзы. Обрати внимание на слово «очаг». Как домашний очаг распространяет вокруг физическое тепло, так очаги цивилизации распространяли тепло культуры. Теперь посмотри сюда! — На столе появилась карта древнего мира. — Здесь видно, как разошлось это тепло по свету. В первую очередь оно отогрело Китай, Индию и Средиземноморье, в том числе, и Причерноморье: ведь в сущности Понт Эвксинский — большой залив Средиземного моря. Согласись, вряд ли эллины назвали бы наше море гостеприимным, не будь оно близким и легкодоступным. Недавно мне довелось поработать на Кипре, и я была поражена нашим сходством. Быт, уклад, пища, темп жизни — как будто я никуда не уезжала... Конечно, с другой стороны были Парфия, Азия, Восток. Между этими молотом и наковальней мы и закалялись... Отсюда и начни. Возьмись за эту нитку и потихоньку разматывай...

СКАЗАНИЕ ОБ АМИРАНИ

Совет хорош, но уж больно запутан клубок.

Я повадился в музей — вместо школы. Ходил по залам на первом этаже, разглядывал красивую глиняную утварь — черную, розовато-коричневую

и расписанную. Кувшины, чаны и миски были склеены из обломков. Отдельно под стеклом лежали золотые и серебряные украшения, а также вырезанные из кости фигурки.

На особом месте стоял знаменитый серебряный кубок из Триалети, возрастом в 4000 лет.

На других стендах я разглядывал покореженные наконечники копий и стрел, топоры разных размеров. На черных табличках белыми буквами было написано — «Бронзовый век», и место раскопок — Триалети, Самтавро, Вани...

В следующем зале бронзу сменило железо. То же оружие, но шоколадного цвета, изъеденное ржавчиной. Лучшую сталь древние греки называли «халипс», что значит «изделие халибов». Но ведь халибы — наши предки, и оружие из стали по-грузински зовется «халибаури»!

В тех же кузнях, где выковывались халибаури, складывалось сказание об Амирани...

Сын богини охоты Дали и охотника Сула-Калмахи, добрый богатырь Амирани жалел людей, ютящихся по холодным пещерам, испуганно хранящих добытый в грозу огонь, людей, что надрывая жилы пахали деревянной сохой жесткую землю на кручах. Особенно жалел Амирани стариков и детей. И ради них он нарушил запрет своего могущественного покровителя — грозного бога огня, и научил их высекать искру и воспламенять трут. А сильных,мышленых мужчин научил раздвигать горн, плавить железо и ковать из него орала, серпы и мотыги.

Так учил Амирани кузнецов — железных людей, забыв о своем неусыпном враге Хромоном. Хромоногий не верил в добро, ибо превыше всего ставил власть. А что могло дать ему власть над людьми, кроме оружия? Острые мечи, рассекают ограды из прутьев — слабую защиту человека... И когда Амирани со своей собакой Куршей уходил на охоту, Хромоногий вваливался к кузнецам и угонял их не тратить время зря на серпы и мотыги, а ковать мечи. И еще — цепь! Тяжелую цепь, которой он задумал связать Амирани.

Грозный бог огня прогневался на своего любимца за то, что тот открыл его тайну людям, и потому не заступился за него, когда Хромоногий решил осуществить свой план.

И связали кузнецы спящего богатыря, и отвели в горы, к истокам Риони, и там приковали к скале. Горько пожалел Амирани о своей доверчивости. Преодолевая боль от цепей, он держит кол, к которому прикован, а верный Курша днем и ночью лижет цепь, но, когда истончается цепь и кол готов выскочить из скалы, берутся за дело кузнецы — они боятся амиранова гнева. Потому-то каждую весну, когда сходит снег, все кузнецы в мире трижды бьют молотом по наковальне: они снова вгоняют в скалу ослабевший кол и выковыывают новое звено в цепи...

Высоко в горах Кавказа порой проносится по ущельям глухой странный гул, похожий на отзвук обвала. Говорят, это стонет прикованный Амирани — опутанный цепями, обманутый врагом, преданный теми, кому желал добра. Но все-таки он не сдается. Он верит в человека и ждет, когда великий герой, рожденный среди людей, освободит его и верного Куршу, так и не покинувшего хозяина.

Продолжение следует

БЕГИ ИЗ ВАВИЛОНА

Дато МАГРАДЗЕ

Перевод Юрия РЯШЕНЦЕВА

Алло!.. Плохо слышу... Звук прерывается...
Здесь интернет барахлит... Что?.. Не слышно мне...
Слушай, я выйду наружу- здесь гвалт такой!..
Да, совещание. Каждый орет свое –
Не разобрать... Слава Богу, я выбрался...
Ох, тут все то же... Так - что ?.. Ну, я слушаю...
Вроде бы, здесь послушней... Повтори-ка мне!..
Громче!.. Не понял я!.. Что за гудки...
– Беги из Вавилона! Из Вавилона беги!

Политик все ищет слова,
И живое нормальное слово
Примеряет на Логос, как маску,
Чтоб его поскорее продать,
Превратив в реквизит театральный
И беря, словно шлюху в борделе.
А потом испутившие дух,
Неживые тела этих слов
Он политикам юным швырнет
Для риторик их многотиражных.

Но, убитое жалким политиком,
Слово снова в поэзии дышит.

Я из города,
Где хищный сокол
Похитил фазана,
Хищный мэр же похитил бюджет.

Здесь имеет любой гражданин
Уважаемое CV.
Но попробуй найти у него
Биографию, пусть и хромую.

Здесь понравится тем нороят,
Что достойную вещь обругают.

Здесь, в моем Вавилоне, давно
Позабыли
О том, что роман
С милой Родиной, нет, невозможен.
Наше чувство к ней обречено,
Безответно, поскольку она,
Даже если и выберет время
На любовь нам ответить – тогда
Отзовется лишь наша могила.

Пренебрежение –
Только одно ценность нашего Вавилона...
Но и оно содержит эффект
Безответности: ведь на него
Мы должны отвечать уважением
По статьям городского закона...
– О, беги, о беги из Вавилона!

Если здесь и дозволено все,
То свобода – запрещена.

Рождение американской мечты –
Это вестерн, финальные кадры:
Вот стоит возле двери шериф,
Словно точка для строчки восставшей.

Когда Фридрих Ницше скончался у Бога,
То Фридрих решил, что скончался сам Бог.
Так было положено в мире начало
Эпохе, где низкий надменно решил,
Что нет высоты – умерла. И Сальери
Приветствовал смерть повелителя нот.

Society – это та часть населения,
Которая в год испытаний тяжелых
Способна достоинство не потерять.

Вот толпы, в согласье,
В единстве порыва,
Портреты несут:
Каждый – символ призыва...
Портреты несут
Их борьба справедлива.
Портреты героев несут,
Как мечи.

Society – вот что ведет их шаги.
– О, беги из Вавилона, беги!

...Украина в огне. И Россия – в атаке на Запад.
И покудова те, в дальних евровойсках, разберутся,
Кто какого там пола,
Двуглавый орел, может быть,
Долетит и до Запада,
И до Востока.
Определенно...

– О, беги же, беги из Вавилона!
Как когда-то моли изнуренного Ноя
О хотя бы стоячем билете на полном каное.
В мире есть лишь один только порт –
Пик горы Арарат...

Даже если отбросить наручник эпохи:
Изделие Tisso –
Зашвырнув его к черту,
Эпоха не станет иною.

А бежать-то куда?
Всюду он – Вавилон.
Нет уж, я остаюсь в Вавилоне,
Как пожарный,
Который способен хотя бы ребенка
Уберечь от безбожного пекла.
Потом, может быть,
Мы, последние из горожан Вавилона,
И приснимся ему в добром сне.

P.S. Четыре стука в дверь Густава Малера.

Малеру, кажется, надобны строки
К новой сюите «Во имя спасенья!»
Я их доставлю в кратчайшие сроки –
Нет ближе темы для стихосложения.

Малеру почта доставит либретто.
Возглас Петра мне послышался: – Рабби!
... Как мне напомнило действие это
Шаг по воде - веры истинной ради.

Интро и тут же антре! – Я у входа.
Будьте добры, сообщите маэстро:
Холодно, сильно знобит меня что-то,
Выпить бы малость весьма бы уместно...

Он бы аккордом решил мне ответить,
Сердца коснулся рукою нетленной.
Я бы нашел Орион среди созвездий,
Став частью целого, частью Вселенной.

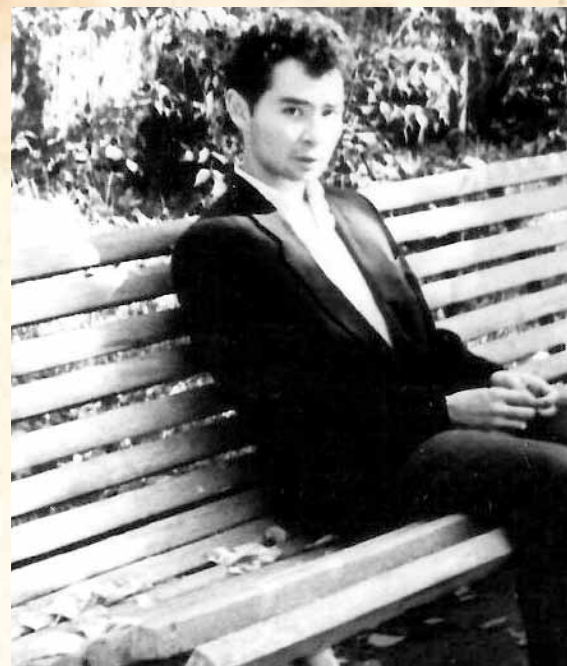
СТЕЧЕНИЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ АЛЕКСАНДРА ВАМПИЛОВА

К 85-летию со дня рождения

■ Инна БЕЗИРГАНОВА

«Случай, пустяк, стечение обстоятельств иногда становятся самыми драматическими моментами в жизни человека», — считал Александр Вампилов. Именно так — «Стечение обстоятельств» — он назвал первый сборник своих рассказов.

Счастливое стечение обстоятельств привело его Бусыгина из «Старшего сына» в семью Сарафановых, где он обрел близких людей... Оно же (только роковое!) 50 лет назад стало причиной раннего ухода драматурга, не дожившего двух дней

до своего 35-летия... А разве можно назвать случайным тот факт, что отец Вампилова, преподаватель русской литературы Валентин Никитич, назвал своего сына в честь Александра Пушкина, тем самым предопределив его путь? Как многие другие русские писатели, поэты, признанные классиками, Александр Вампилов прожил недолго и оставил потомкам гораздо меньше, чем мог бы... при другом стечении обстоятельств. И все-таки успел обрести славу последнего русского драматурга мирового значения. Некоторые исследователи считают, что пока никто из тех, кто последние десятилетия писал и пишет в России для театра, не приблизился к его высочайшему уровню. Утверждение смелое, но...

Когда знакомишься с биографией Вампилова, то, в первую очередь, узнаешь об его отце. Близкие называли его «умнейшим и добрейшим, честнейшим и справедливым». И становится понятно, откуда родилась у Вампилова его чудесная семейка из «Старшего сына», откуда появился Сарафанов — человек не от мира сего. Достаточно перечитать письмо Валентина Никитича, написанное жене незадолго до ареста и гибели в застенках НКВД, накануне рождения сына Саши: «Я уверен, все будет хорошо. И, вероятно, будет разбойник — сын, и боюсь, как бы он не был писате-

коничностью, отточенностью каждой фразы, наполненностью трагической иронией и юмором напоминают рассказы Антона Павловича. Есть даже какие-то тематические переключки. Не зря его прекрасный отец, влюбленный в русскую литературу, видел во сне классиков. Видимо, уже во чреве матери Вампилов каким-то мистическим образом впитывал сам дух великой прозы.

Александр Вампилов – прямой продолжатель традиций русской литературы. Темы «маленького» и «лишнего» человека, затронутые еще в произведениях Пушкина и Лермонтова, находят в его творчестве свое развитие. Впрочем, как и темы жизни, смерти, проблемы бы-

таким очевидным, что неслучайно Вампилов назвал свою героиню именем отца – Валентина... Имеет значение и происхождение имени – с латинского оно переводится как «сила». Именно нравственная сила Валентины из Чулимска помогает ей не только не сломаться самой после пережитого потрясения, но и продолжать морально поддерживать других. Это выражено в пьесе символически: в том, как девушка упорно восстанавливает сломанную калитку всякий раз после того, как очередной равнодушный человек, вместо того, чтобы обойти газон, проходит напрямик и ломает ограду.

Что касается проблемы «лишнего человека», то на-

лем, так как во сне я все вижу писателей. Первый раз я во сне с самим Львом Николаевичем Толстым искал дробы, и нашли. Второй раз я во сне пил водку с Максимом Горьким и целовал его в щетинистую щеку. Боюсь, как бы писатель не родился...». И потом, уже после появления на свет будущего драматурга: «Молодец, Тася (Анастасия, жена Валентина Никитича. – И.Б.), все-таки родила сына. Мое предчувствие оправдилось... сын. Как бы не оправдал второе... Не назвать ли его Львом или Алексеем? У меня, знаешь, вещие сны».

Вампилова называли в честь Пушкина (в 1937 году отмечалось столетие со дня его гибели), но поэтом он не стал. Наверное, правильнее было бы дать сыну другое имя – Антон. Не только потому, что Вампилов, как и Чехов, который «уже на первом курсе стал печататься в еженедельных журналах и газетах, и эти занятия литературой в начале 80-х годов приняли постоянный, профессиональный характер» (из автобиографии А. Чехова), очень рано начал публиковать свои очерки и фельетоны на страницах газеты «Советская молодежь», а потом поступил на Высшие журналистские курсы в Москве. Первые рассказы Александра Валентиновича своей емкостью, ла-

Сцена из спектакля «Прощание в июне». 1974 г.

тия, волнующие лучших людей человечества. Печоринские и онегинские черты угадываются в следователе Шаманове из пьесы «Прошлым летом в Чулимске» и Зилове из «Утиной охоты», а образ Сарафанова из «Старшего сына» словно объединяет в себе две эти темы: своей внутренней обособленностью персонаж близок «лишним людям», но так же, безусловно, несет и трагическую тему «маленького человека»...

Есть в произведениях Вампилова и пленительные образы стойких и чистых «тургеневских» девушек – например, Валентина из «Прошлым летом в Чулимске». И вдруг показалось

верняка Вампилов иногда чувствовал себя таковым – когда безуспешно пробивался к своему читателю, надеясь на понимание современников, когда мечтал увидеть свои пьесы на столичной сцене. Об этом мы узнаем из писем драматурга. И картина борьбы Вампилова за право «быть» как-то не увязывается в сознании с тем, что ныне он признан выдающимся писателем, изучаемым за рубежом наряду с Чеховым. При жизни Александра Валентиновича масштабного признания не произошло – его необычные герои и истории не совсем вписывались в советскую реальность. И это «не совсем» насторажи-

Сцена из спектакля «Прощание в июне». 1974 г.

вало издателей и режиссеров.

В 1972-м Вампилова не стало. В том же году в Московском театре имени Ермоловой выпустили «Старшего сына» в постановке Владимира Андреева. И началось триумфальное «десятилетие Александра Вампилова» (1970-е!).

Мои театральные вкусы во многом формировались под впечатлением от спектакля того же Владимира Андреева «Прошлым летом в Чулимске», в котором в роли Шаманова выступил уникальный актер Станислав Любшин – актер тончайших, едва уловимых нюансов, благодаря которым его неоднозначный персонаж обрел особый магнетизм, какую-то роковую притягательность, что во многом обусловило драматические события пьесы и спектакля. А безответная поначалу любовь Валентины к Шаманову так напоминает влюбленность Татьяны Лариной к Онегину, да и все безответные влюбленности барышень русской литературы к недостойным их мужчинам, о чем написал в своей знаменитой статье «Русский человек на rendez-vous» Николай Чернышевский.

Одними из первых Вампилова оценили Товстоноговы – Георгий Александрович и его сын Александр Георгиевич, что выразилось в их желании увидеть пьесы «загадочного» Вампилова на сцене. В 1970 году в Большом драматическом театре состоялась премьера

«Провинциальных анекдотов», в 1974-м – «Прошлым летом в Чулимске». А Sandro Товстоногов, незадолго до того, как выпустил в Тбилиси спектакли «Прощание в июне» и «Свидания в предместье» (первое название пьесы «Старший сын»), ставил Вампилова в Москве и Ленинграде.

В Тбилисском театре имени Грибоедова семидесятые годы тоже стали «вампиловским десятилетием». И связано оно с именем Александра Товстоногова, возгласившего труппу в 1974 году.

Пресса писала: «Он начал с Шукшина и Вампилова. Что и говорить, поначалу нередко возникал вопрос: а верно ли поступил Товстоногов-младший, обратившись, прежде всего, к их произведениям? Сейчас уже можно ответить утвердительно... Шукшин и Вампилов – глубоко русские по духу художники – пришлось ко времени и к обстановке, так как их своеобразное, во многом различное художественное видение, объединяется страстным нежеланием обходить остроту проблем. И вот за девять месяцев работы в театре – пять премьер. Случай беспрецедентный!».

В прессе Александр Георгиевич декларирует свои эстетические принципы, определяя их как «повернутость к современности, в глубинном смысле этих слов».

Прекрасный актерский ансамбль сложился в одном из

первых спектаклей режиссера – «Прощание в июне». «Этот яркий зрелищный спектакль полон талантливых режиссерских выдумок, мы встретились в нем со многими интересными актерскими индивидуальностями. И никак нельзя умолчать о работе художника Эдуарда Кочергина, нашедшего простое, очень условное оформление сцены, в котором актерам, очевидно, легко, весело играть», – пишет рецензент.

Чем привлекали и продолжают привлекать герои Вампилова? Это, как правило, люди в чем-то необыкновенные, у них всегда присутствует второй план. В той же комедии «Прощание в июне» персонажи сложные, ведут себя противоречиво, часто стоят перед выбором, проходят через серьезные нравственные испытания, искушение и далеко не всегда оказываются на высоте, порой идя на сделку с совестью. Нельзя не согласиться с исследователем творчества драматурга Ксенией Деменевой, утверждающей, что человек в мире пьес Вампилова ведет разговор не с другим человеком, а с бытием. Именно по этой причине его драматургия не связана с определенной эпохой (хоть и порождена «оттепелью»), ее ставили и будут ставить всегда – затронутые в произведениях Вампилова проблемы относятся к категории вечных. «Самым важным для Вампилова, на наш взгляд, было не определение героя как «плохого» или «хорошего», а провозглашение идеи о вечном поиске человеком Истины, о процессе познания подлинного человеческого бытия, настоящих и мнимых ценностей, словом, о вечной борьбе Добра и Зла в душе человека. Это борьба не имеет исхода. Она будет существовать столько, сколько стоит мир. Более того, вечная борьба добра и зла есть не что иное, как способ существования самого мира» – считают авторы монографии «Художественный мир Александра Вампилова» С. Имхелова и О. Юрченко. Но, безусловно, конкретные обстоятельства места и времени вносят свои коррективы в трактовку вечных сюжетов.

Любимым зрителями, в пер-

вую очередь, молодыми, был в 70-е еще один тбилисский спектакль Сандро Товстоногова по Вампилову – «Старший сын». Он вышел практически одновременно с известным телевизионным фильмом, в котором замечательно сыграли Евгений Леонов, Николай Караченцов, Михаил Боярский, Светлана Крючкова. Но постановка Грибоедовцев с участием Валерия Харютченко, Волемира Грузца, Альбины Пономаревой, Михаила Минеева, Элизбара Кухалишвили нисколько не уступала картине – на этом спектакле выросло целое поколение преданных поклонников театра.

Спустя почти сорок лет после первой постановки пьесы на Грибоедовской сцене театр вновь обратился к этому автору.

И тут необходимо пояснение. Появление Вампилова в репертуарной афише Грибоедовского в 1970-е годы было расценено как начало новой театральной эпохи. Как пишут критики, «это была драматургия сладких грез и чудесных превращений, торжества добродетели и вознаграждения по заслугам, зачастую неосознанной задачей которой было вселять в человека веру в чудесный выигрыш, счастливый случай, могущий повернуть жизнь самого несчастливого и затюканного члена общества». Именно таким был спектакль Сандро Товстоногова – светлым, позитивным.

И вот – новое решение, предложенное Георгием Маргвелашвили (2014). Разумеется, минувшие сорок лет не могли не отразиться на художественном восприятии комедии (драматург, хоть и назвал пьесу «комедией», в одном из писем все-таки определяет ее как «трагикомедию»). Несмотря на то, что режиссер-постановщик не акцентирует свое внимание на эпохе – его интересуют прежде всего человеческие взаимоотношения, психология поступков, – новые времена не могли не изменить угол его зрения. Даже если в основе идеи нового спектакля лежит мысль о том, что человечество представляет собой древо, произрастающее из единой корневой системы (отсюда – «Все люди братья!»), это, скорее, идеали-

стический посыл, обнаруживший за нашу долгую историю свою несостоятельность и утопичность. И особенно в последние годы, когда разобщенность людей, их взаимное отчуждение приобрели характер тотальный. А. Вампилов, коснувшись этой болезненной проблемы еще в 60-е годы прошлого столетия, все-таки показал стремление человека к преодолению отчуждения. Глубокий режиссер, ученик Михаила Туманишвили, Георгий Маргвелашвили посмотрел на психологическую коллизию, предложенную драматургом, иначе. Без оптимизма, что ли. Поэтому герои спектакля в театре Грибоедова спасаются отнюдь не в объятьях друг друга, а... поодиночке. Собственно, с чего начинается пьеса А. Вампилова, тем она и заканчивается, – одиночеством. В первую очередь, экзистенциальным кризисом музыканта и отца семейства Андрея Григорьевича Сарафанова (его сыграл актер Валерий Харютченко, сорок лет назад исполнивший роль Бусыгина).

Гоги Маргвелашвили следует в своей режиссерской трактовке за Вампиловым... до финала. Обман раскрыт, и происходит душераздирающая сцена. Сарафанов переживает случившееся как крушение сво-

его хрупкого мира, как жизненную катастрофу. На протяжении долгого времени ощущая себя аутсайдером, причем «по всем фронтам», наталкиваясь на стену непонимания с самими близкими людьми, он хватается за мнимого старшего сына как за соломинку. Бусыгин для него – некое высшее оправдание жизни, обретение по-настоящему близкого по духу человека. И вот этой последней духовной опоры, этой иллюзии не стало... Сарафанов в отчаянии кричит Володе: «Не верю! Ты сын! Ты настоящий Сарафанов!». Пытается как-то удержать созданный миф, но правда жестока и неумолима... Последняя картина: Сарафанов один. С кларнетом – это то единственное, что никогда не предаст – Музыка. С ней он и остается. И еще – со звездным небом, в которое пристально вглядывается в финале. Вспоминается кантовское: «Две вещи на свете наполняют мою душу священным трепетом – звездное небо над головой и нравственный закон внутри нас». Это, думается, имеет прямое отношение к Сарафанову, каким его играет В. Харютченко... А у детей – своя жизнь, своя драма, свои желания и иллюзии. Обрели друг друга и уединились Нина (Мари Кития, София Ломджария) и Во-

Сцена из спектакля «Свидания в предместье». 1974 г.

Сцена из спектакля «Провинциальные анекдоты». 1984 г.

лодя (Аполлон Кублашвили), собирается продолжить свою любовную атаку Васенька (Лаша Гургенидзе), в то время как его пассия Наталья (Инна Воробьева) уже находится в объятиях Сильвы (Дмитрий Мерабишвили), озабочен карьерными делами рассудочный Кудимов (Иван Курасбедиани)...

«Проблема отцов и детей в нашем поколении проявилась трагически остро, и режиссер точно проводит эту мысль, не педалируя ее. Дети выросли в ситуации, когда под родителями развалилась страна и произошла не переоценка ценностей, а полный их провал. Родители оказались беззащитными перед историческими катаклизмами, и дети ощутили, что старшие не могут стать их оплотом в безудержно меняющемся мире. Родители сами требуют опеки, поскольку в большинстве своем растерялись, потеряли уверенность в завтрашнем дне. Это не произносится вслух, но становится основным лейтмотивом разобщения», — отмечает в своей рецензии на спектакль Маргвелашвили профессор ТГУ им. Джавахишвили Мария Филина.

Театр Грибоедова в разные годы обращался и к другим произведениям Вампилова. Так, в 1973-м Отар Алексишвили выпустил драму «Прошлым летом» («Прошлым летом в Чулимске») с участием ведущих актеров театра — Тамары Белоусовой-Шотадзе, Даниила

Славина, Ларисы Крыловой, Людвиги Карловой, Джемала Сихарулидзе, Леонида Пярна. Оформил спектакль замечательный сценограф Гоги Гуния. Александр Товстоногов поставил со своими студентами сложнейшую «Утиную охоту». А в 1984 году вышел спектакль «Провинциальные анекдоты», состоящий из двух одноактных пьес — «Случай с метранпажем» и «Двадцать минут с ангелом». Первую поставил Гоги Чакветадзе, вторую — Гурам Черкезишвили. В спектакле, оформленном Н. Гаприндашвили, были заняты актеры Людмила Артемова, Мария Кебадзе, Надежда Сперанская, Михаил Иоффе, Джемал Сихарулидзе, Волемир Грузец, Игорь Пилиев, Виктор Захаров. Эти вампиловские анекдоты, «необычный, экстраординарный случай» и «короткая история с парадоксальной концовкой», в которых автор в необычной форме затрагивает самые главные вопросы бытия и поднимается до трагических высот, были тепло приняты зрителями.

Об Александре Вампилове размышляет актер театра Грибоедова **Валерий Харютченко**:

— Что нужно в театре для успеха? Разумеется, кроме режиссера и актеров, наделенных сценическим талантом? Нужна история, пьеса, которая зажжет чувства, фантазию, даст живой импульс для личного осмысле-

ния и воплощения этой истории в образе спектакля. И если все сложится удачно, как результат, — внимание, понимание и благодарность зрителей. Это и есть успех, то есть признание.

В историю мирового театра вписаны многие имена замечательных драматургов — Софокл, Еврипид, Шекспир, Мольер, Ибсен, Шоу, Брехт, Уильямс, Беккет, Гоголь, Островский, Чехов... Классиком русской драматургии, несомненно, стал и Александр Вампилов. За 35 лет своей короткой жизни он написал, кроме рассказов, четыре многоактных пьесы и ряд одноактных. Главная особенность творчества Вампилова — необыкновенная пронзительность его миропонимания, способность к глубокому проникновению в природу психологии человека. Персонажи, населяющие его пьесы, как будто понятны, просты, но это — как будто. На самом деле они особенные, наделенные внутренней гибкостью, тонкой интуицией. Часто они парадоксальны, несут в себе самоиронию, протест. Ищут контакта, понимания и не находят его. Герои Вампилова кажутся сошедшими с картины Эдварда Мунка «Крик». Боль, отчаяние, способность к самопожертвованию и невозможность самореализации. Одиночество окутывает человека, рожденного для любви. Что может быть печальнее, трагичнее этого?

Говорят, дважды нельзя войти в одну и ту же реку. Я вошел трижды. И река эта — душа Александра Вампилова, его драматургия. В 1974 году Сандро Товстоногов, в ту пору главный режиссер Грибоедовского театра, поставил замечательный спектакль по пьесе Вампилова «Прощание в июне». Сценографом был легендарный Эдуард Кочергин. Я сыграл Васю Букина. Моими партнерами были Люда Карлова, Люся Артемова, Нора Кутателадзе, Валя Воинова, Ефим Байковский, Мавр Пясецкий, Игорь Копченко, Алик Кухалеишвили, Саша Гарин. Это была первая роль, когда я почувствовал себя настоящим, живым актером. Автор и режиссер дали мне крылья. Я до сих пор помню это

Сцена из спектакля «Старший сын». 2014 г.

необыкновенное чувство полета. Так что Александр Вампилов и Александр Товстоногов стали моими крестными, благословили, и я поверил в себя.

Следующим спектаклем, который поставил Сандро, был «Старший сын», где мне была доверена роль Володи Бусыгина. И мой полет продолжился – река-душа понесла меня... Сколько крутых поворотов, подводных камней... Где та соломинка, за которую должен ухватиться, чтобы не пропасть? Жизнь как сон, а сон как явь. Живешь, каламбуя и шутя, и все врешь, уговаривая себя, что это ложь во спасение. Хочешь жить – умей вертеться. Иначе потопят. И вдруг судьба посылает тебе соломинку – чудака Сарафанова. А его обманывать нельзя, он ведь почти святой. И я признаюсь, что я не сын его – сначала убедив в обратном. Это мое покаяние. «И пробуждается от летаргии сна в пещере тела моего уснувшая душа». И я обретаю отца.

После премьеры и успеха мы с Воликом Грузцом, прекрасно исполнившим роль Сильвы, хорошенько поддали – выпили то есть. И я плакал, я был счастлив, вновь обретая себя. В спектакле были заняты Михаил Минеев, Алик Кухалеишвили, Альбина

Пономарева, Тамара Соловьева, Игорь Копченко.

Прошло много лет, и в 2014 году уже Гоги Маргвелашвили обратился к творчеству Александра Вампилова, поставил своего «Старшего сына», предложил мне роль Сарафанова. Это и было моим третьим вхождением в бурную вампиловскую реку.

«Если ты думаешь, что твой отец полностью отказался от идеалов своей юности, то ты ошибаешься. Зачерстветь, покрыться плесенью, раствориться в суете – нет, нет, никогда. Я сочиняю. Каждый человек родится творцом, каждый в своем деле, и каждый по мере своих сил и возможностей должен творить, чтобы самое лучшее, что было в нем, осталось после него. Поэтому я сочиняю, – говорит Сарафанов. – Идеалист, мечтатель, утопист, который многократно хотел... утопиться. Не находя гармонии ни в окружающем мире, ни в самом себе. Но всякий раз преодолевал эту слабость, надеялся услышать, обрести в пустоте новую пронзительную ноту и, вписав в нотный стан, продолжить сочинение своей божественной симфонии. И подарить ее людям, разорвав порочный круг, где каждый слышит толь-

ко самого себя. Чудак, добрая душа... Он уносит пронзительную ноту в свое одиночество. Мир – это сон, сон – это явь. А бурная река Вампилова прокладывает новое русло, омывая новые берега.

Актер, режиссер Игорь Пехович (Москва):

– Как известно, в роду Вампилова были священники. В пьесе «Старший сын» можно найти библейские мотивы. Уже в названии содержится намек. Вспоминается притча о блудном сыне. Он ушел из дому, растратил отцовское наследство и через много лет вернулся с покаянием... Бусыгин рос без отца, а дети Сарафанова – без матери. И Володя подсознательно – в поисках отца, а дети Андрея Григорьевича – матери. В итоге две семьи соединяются на этом пути. Пьеса начинается с того, что молодые люди – Бусыгин и Сильва попадают ночью в незнакомое место, увязавшись за девочками. Это есть соблазн. В итоге герои Вампилова оказываются во мраке и экзистенциальном одиночестве, а потом приходят к незнакомым людям и совершают грех: обманывают их для того, чтобы получить еду и ночлег. А за грехом наступает покаяние...

ОТ ЛИЧНОГО К ВЕЧНОМУ...

— Нелли СКОГОРЕВА

Эта актриса могла стать голливудской звездой.

Но была бы она от этого счастливее? Очень хочется это понять...

Мы пьем кофе, курим, и я никак не могу поверить, что со мной запросто беседует сама Людмила Алексеевна Чурсина! Говорит о скачках давления, с которым она «договаривается», подкидывая ему таблеточки, о предстоящей операции по замене тазобедренного сустава, о том, что ходит с палочкой, но на сцену родного театра выходит без нее, о мизерных зарплатах в театре. И все это — с большой долей иронии по отношению к себе и своему возрасту.

А поверх волнения в моей голове стучит мысль: как сочетаются мудрость и смирение с темпераментом и настоящей звездностью? Уж кто-кто, а Людмила Чурсина имеет столько званий и наград, что один только перечень занимает целый лист формата А4 — если мелким шрифтом, конечно. Вот

малая часть — Народная артистка России, Народная артистка СССР, кавалер Ордена Дружбы народов, Ордена «За заслуги перед Отечеством», Ордена Почета (2011)... Более ста фильмов и сериалов, не считая документальных картин, телеспектаклей, озвучания, театральных работ. И — бешеная популярность.

— Людмила Алексеевна, судя по количеству наград, вас очень любило правительство страны. Приходилось ли как-то оплачивать эту любовь?

— Ни в коем случае! Хотя бытовало мнение, что я чуть ли не на столах танцую на кремлевских мероприятиях — и это самое меньшее, что мне якобы приходилось делать... На самом деле все происходило помимо меня, где-то за спиной, я никогда никого ни о чем не просила. А я работала с удовольствием и только этим платила своим зрителям за их любовь.

— Многие ваши интервью начинаются с фразы: «Вы одна из самых красивых актрис советского кино». И это, бесспорно, так. Как вы сами относитесь к своей красоте?

— Все относительно и конечно. Свет и тень, плюс и минус — все рядом, две стороны одной медали в зависимости от точки зрения. До определенного возраста я очень стеснялась своей внешности, прежде всего, высокого роста — 177 сантиметров. И сутулилась. Брови у меня были черные, густые, они мне тоже не нравились. Помню день, когда мы поступили в Щукинское училище. Идем по Старому Арбату, и подруга вдруг говорит: «Слушай, а на тебя мужчины заглядываются...». Моему удивлению не было границ... «Что есть красота и почему ее обожествляют люди? Сосуд она, в котором пустота, или огонь, мерцающий в сосуде?» Мне кажется, я всегда заботилась о том, чтобы сосуд не опустел. А сейчас внешняя красота вообще перестала быть для меня значимой. Косметические салоны я не имею привычки посещать. Когда-то давно на лице появилось пятно, и его надо было выжечь. А лет сорок назад какой-то ненормальный в порыве любви полоснул меня ножом по лицу, образовался порез и, когда зашивали, в клинике решили немного подтянуть кожу лица. Вот и все, что я делала со своим лицом.

— Партнеры, наверное, не оставались равнодушными к вам? Вы работали с прекрасными актерами — Арменом Джигарханяном, Василием Лановым, Евгением Леоновым, Олегом Борисовым...

— С партнерами у меня никогда не было романов, потому что это мешало бы работе. С Арменом Джигарханяном у нас сложились светлые отношения, он был теплый, тонкий, реагирующий человек. С Олегом Борисовым мы дружили еще с Санкт-Петербурга, и в Москве оказались почти соседями. В фильме «Обещание счастья» у меня было целых три звездных партнера — Олег Ефремов, Юрий Яковлев и Петр Вельяминов. Ефремов во

время съемок спрашивал, прищурившись: «Что это ты к нам в театр не приходишь?». А я отвечала: «Потому что не зовут». И хотя я признаю талант и харизму Ефремова, но и он не был «героем моего романа». Вообще, каких-то поползновений со стороны мужчин в моей жизни было мало, даже не знаю почему. Всегда присутствовала невероятная деликатность. Как сказал мой третий муж Игорь Андропов: «Ты можешь так посмотреть, что уже ни слов не надо, ни палки»... Мне всегда были интересны итальянцы из-за своего темперамента. Очень нравился Витторио Гассман. Помню, приезжала итальянская делегация, меня «прикрепили» к ним, я их кормила, выгуливала, они подарили мне на память шкатулку, которая до сих пор стоит дома. Еще была симпатия к одному продюсеру из Италии, а через несколько лет они уже с женой приезжали в Санкт-Петербург, я их принимала, чайком поила. Знаете, когда нет блудливости, легко продолжать

«Донская повесть».
С. Е. Леоновым

«Журавушка». С. А. Джигарханяном

отношения и встречи с чистой совестью. Вот и все.

– Вы согласны с утверждением, что «мужчина-актер меньше, чем мужчина, а женщина-актриса больше, чем женщина?»

– Да, абсолютно согласна. Из трех моих мужей ни один не был актером. Мне очень везло с партнерами, я работала с луч-

шими из них, но романтической искры к ним у меня не возникало, и с их стороны тоже не поступало предложений, все было очень деликатно ко мне, я их за это уважала. Другое дело – режиссеры... Мой первый муж, Владимир Фетин, с которым я прожила 17 лет, был режиссером. В то же время, помню, когда показывалась Товстоногову в БДТ, от одного его мрачного лица с вечной трубкой во рту, меня трясло. Я была уверена, что безумно его раздражаю, и грохнулась прямо на сцене. Естественно, он меня не взял. Я никогда не любила и не умела себя предлагать...

– Ну не скажите, вы же сделали предложение своему второму мужу...

– Да, было такое. Мы познакомились случайно, он просто подвез меня на машине. Владимир оказался ученым, кандидатом технических наук, океанологом. К тому же он был немного похож на Алена Делона. Меня покорило, что он умел ждать. Я тогда репетировала Шурочку в «Иванове» Чехова, и он терпеливо ждал меня после репетиций и ничего не форсировал. Я была опустошена после первого брака и просто хотела семью, но этого оказалось мало... С Игорем Андроповым мы прожили всего четыре года, на большее меня не хватило... Сейчас их всех уже нет в живых. Знаете, к 50-летию фильма «Донская повесть» мне позвонили с телевидения и пригласили приехать. Я спросила: «Кто еще будет?». Пауза. «А все умерли...» И это так грустно...

В фильме «Два билета на дневной сеанс»

– Федерико Феллини за три дня до смерти воскликнул: «Хоть бы еще раз влюбиться!» А вам хотелось бы?

– Я исчерпала лимит любви. Я влюблена в жизнь, хотя она и непростая. Чем старше, тем больше возникает проблем, но все равно прожить 80 лет – это, наверное, надо заслужить. Тем более, много раз я была на грани катастрофы. И мы в автомобиле врезались, и в нас врезались... Однажды наш автобус остановился буквально на краю пропасти... Я уж не говорю о ситуации, когда хотела покончить с собой, проиграв битву с алкоголизмом моего первого, любимого, мужа... Случайный прохожий спас меня.

– Вы боитесь смерти?

– Бояться бессмысленно. К этому надо относиться смиренно, впрочем, так же, как и ко всему. Мы можем быть призваны когда и как угодно – через час, сегодня вечером, через месяц... Вот моя сестра, царствие ей небесное, была на десять лет моложе меня и ушла. Все было при ней, и вдруг – сильнейший инсульт. Поэтому я иногда думаю, что Господь меня держит, чтобы я, хоть и с палкой, насколько могу, работала и помогала родным... На днях мой племянник Леша и его жена Катя приезжали ко мне в Москву посмотреть спектакль. У него рост

192, а у нее – 158, очень трогательная пара. Их дочь Настя – колясочница. В нашей стране с этой темой не сильно хорошо, поэтому они очень сложно живут. Мы построили вокруг их дома приспособления для Насти, и она может свободно гулять. Им помогают две женщины. Для них мы тоже построили домик, чтобы всем было удобно.

– Верите в жизнь после смерти?

– Не знаю точно, в каком обличье, но, думаю, вся моя энергия должна во что-то трансформироваться. Господь не мог создать такое совершенство,

как человек, без большого замысла. А так – что? Проводили человека – и все? Трудно представить, как выглядит высший разум, но, бесспорно, он создал жизнь на земле не случайно, а для какой-то глобальной цели.

– 20 июля – ваш день рождения. Будете справлять?

– Я говорю: «Настя, нам предстоит в этом году столетие – тебе 19 лет, а мне исполнится 81, вместе 100, так что, готовься, придется гулять!». Поэтому – да, справим. В узком семейном кругу.

– Вы как-то сказали, что читаете молитву так: «Господи, спасибо за все, что я имею и трижды – за то, чего не имею!». Какой смысл вы вкладываете в эти слова? Спасибо, что оберегаешь от худших бед? Но тогда, получается, спасибо и за то, что вы не в Голливуде, например...

– Одно другому не противоречит. Кто знает, как сложилась бы моя судьба в Голливуде? Сколько мы знаем трагических судеб звезд американского кино! Например, я лично видела на одном из приемов, что великую Элизабет Тейлор интересовала только выпивка, и она была очень раздосадована, что алкоголя не оказалось! Она долго лечилась от алкогольной и наркотической зависимости. Поэтому когда руководство Госкино в ответ на предложение для меня поехать работать в Голливуд со-

В фильме «Любовь Яровая». С. В. Лановым

В фильме «Помнить или забыть»

общило мне, что «не пристало советской актрисе сниматься голышом в Голливуде», я это восприняла очень спокойно. У меня и здесь было много работы. А в итоге на сегодняшний день – я жива, сравнительно здорова, есть любимая работа, меня любят зрители, я живу недалеко от театра, магазины и аптека рядом, я могу кому-то помогать... Поэтому я благодарю своего ангела-хранителя, который помогает мне и держит на земле.

– Простите за вопрос – вы не жалеете, что у вас нет детей?

– Не жалею. Дети – это ответственность, а у меня всегда была повышенная ответственность за всю семью – папу, маму, сестру, ее семью, моих мужей. Это все требовало и требует сил. У меня всегда было, кому помогать и кем заниматься. Видимо, Господь решил, что дети мне не по силам. Я только молюсь, чтобы я могла подольше поддерживать родных и подольше обслуживать себя.

– Вы говорили, что когда приезжаете на родину, в Великие Луки, то у вас спазм в сердце. А какой осталась в вашей памяти Грузия? Здесь вы прожили около 10 лет...

– Грузия для меня это, прежде всего, праздник! Мы приехали в Грузию, на новое место службы папы, в 1946 году. В школу я пошла в Тбилиси. Это была женская школа на улице Шаумяна, потом нас объединили с мальчиками. Мы жили рядом, через Ходживанку. Потом три года жили в Батуми напротив приморского парка, это уже класс шестой-седьмой. Только к этому времени я стала хорошо учиться. Видимо, повзрослела. Помню, ко мне прикрепили для охраны парня двухметрового роста, он в каждом классе сидел по три года. Ему было, наверное, лет 25. Он очень бережно ко мне относился, и мне было спокойно... Я давно не была в Грузии, ездить уже тяжело...

– В вашем родном театре Российской Армии вы 38 лет работали с режиссером

Александром Бурдонским, внуком Сталина. Вам и с ним приписывали роман, а он про вас говорил, что редко с кем из актрис можно так душевно поговорить. Расскажите о нем, пожалуйста.

– Это была трагическая фигура. Тень Сталина преследовала его всю жизнь. Он понимал, что интерес к нему вызван не его творчеством, а этим родством, и потому не любил давать интервью. Он бледнел, когда его спрашивали: «Сидели ли вы на коленях у Сталина?» А на частый вопрос: «Что вам Сталин оставил в наследство?» – отвечал: «Немножко мозгов». Этим объяснялась его закрытость. А он был невероятно творческий человек, неистовый в профессии, очень образованный, умеющий работать 24 часа в сутки. Приходил на репетицию – простуженный, закутанный, в своей шапочке, и если кто-то работал не на полную катушку, очень эмоционально реагировал – бегал по залу, по сцене, мог накричать. Театр был для него всей его жизнью. Я живу на Мисусской, а он жил в 500 метрах

Людмила Чурсина. Фото Н. Скогоревой

от меня, мы часто встречались, беседовали о ролях, о репетициях, и он понимал, что я никогда не задам ему вопроса о Сталине. У него была жена, которая рано ушла из жизни, а потом не сложилось... Детей он принципиально не хотел, слишком негативными были воспоминания о собственном детстве. За три года до ухода созрел для крещения, и мы окрестили его на дому. Александр запустил свою болезнь, к сожалению. Помню, приехала к нему в больницу, он был похудевший, бледный. Поговорили, и я сказала: «Александр Васильевич, я потихоньку пойду, у меня сегодня спектакль». Попрощались. Уходя, я обернулась, увидела, как он стоит в своей шапочке, машет рукой, и поняла, что это последняя встреча. Потом я уехала в Хабаровск, там мне сообщили, что он ушел. Бурдонский завещал свою квартиру актеру нашего театра Игорю Марченко – тот из Нальчика и не имел жилья в Москве.

– Какая сейчас ситуация в вашем театре?

– Уже в течение четырех лет обязанности главного режиссера исполняет Андрей Бадулин. Он поставил несколько сказок, а сейчас замахнулся на «Коро-

ля Лира». У нас пока какая-то неопределенность...

– Недавно в прессе появилось сообщение, что на место главного режиссера может быть назначен сербский кинорежиссер Эмир Кустурица. Как вы к этому относитесь?

– Во-первых, я его не знаю как театрального режиссера, но признаю его заслуги как режиссера кино. Во-вторых, Кустурица не знает Россию, наш народ, хотя большой знаток сербского фольклора, судя по его киноработам. В третьих, он не знаком с нашей труппой. Вникание во все эти темы может занять очень много времени.

– От чего зависит удачная работа над ролью?

– Все имеет значение – и режиссер, и партнеры. А самое главное условие – сценарий или пьеса должны меня затрагивать, совпадать с моими мыслями, ситуациями, чувствами. Тогда я знаю, на что это «положить». Например, спектакль «Два билета в Милан» мне нравится. Мы с моей героиней совпадаем по возрасту. Прекрасный партнер – Александр Дик. Мысли, которые мне близки, – о том, что любви все возрасты покорны. Мне понятно отношение

героини к герою, деликатность, с которой она предлагает ему свои средства, и даже фраза «Я не люблю, когда говорят, что я красивая». Я этого тоже не люблю.

– Успеваете ли вы что-то читать из современной литературы?

– Интересуюсь, но... Хочется уже душу приводить в порядок. Для души перечитываю классику. Куприна недавно перечитала. Племянник Леша подарил книгу «Империя должна умереть», это исторический роман о русских революциях. Читаю, чтобы понимать, что сегодня происходит, и каким образом наша страна к этому пришла. Просто романы о любви читать неинтересно.

– Как вы относитесь к современному кино и как оно к вам относится?

– Сейчас другое кино. Снимаюсь очень редко. Последняя работа – трехлетней давности, «Чисто московские убийства», восемь серий. Моя героиня – бизнесвумен, но у нее страсть расследовать происшествия, и это ей вполне удастся. А так... Большое кино присылает мне сценарии. Деньги всегда нужны, но не за счет продажи души. Поэтому часто отказываюсь.

– В театре новые проекты намечаются?

– Недавно я посмотрела по ТВ «Пиковую даму» с Еленой Гоголевой в главной роли. Когда-то мне предлагали сыграть эту роль, но потом решили, что еще рано. А сейчас я загорелась! Придумала, как в центре сцены сидит лысая старуха с палочкой, а вокруг по всей сцене проходят ее воспоминания... Самое главное, название придумала – «Из жизни Дамы Пик». Так что задумки есть.

– Людмила Алексеевна, спасибо за беседу и трижды – за вашу искренность! Обещайте дать нам следующее интервью в ваш 90-летний юбилей!

– Обещаю!

A portrait of a man with a beard and short dark hair, resting his chin on his hand. He is wearing a dark blue sweater with a textured pattern on the sleeves. The background is a soft, out-of-focus grey.

МОЛОДОЙ, РЕЗВЫЙ, ВЛЮБЛЕННЫЙ...

За что мы любим Лашу Гургенидзе? За его невероятную актерскую харизму, пластичность — физическую, эмоциональную; обаятельную, с лукавинкой, улыбку; за редкую доброжелательность к окружающим. Его юный, буквально летающий по сцене Холстомер из популярнейшей «Истории лошади» в постановке Авто Варсимашвили покорила не один город на гастрольной карте. Пресса отмечала «молодого, резвого, влюбленного» стригунка в исполнении Лаши, удачный дуэт его Холстомера с Вязопурихой, актрисой Софией Ломджария, — «трепетный, игривый, возвышенный». Актер талантливо передавал горячность и чистоту своего героя.

Всегда радостно наблюдать за ростом талантливого артиста, за тем, как от роли к роли растет его мастерство. И вот Лаша — вампиловский Васенька из «Старшего сына» (режиссер Г. Маргвелашвили). Темпераментный, резкий. Бурно жестикулирующий, «пульсирующий» от бушующих внутри него страстей, готовый отправиться на край света, спасаясь от своей беды.

Новая метаморфоза произошла в спектакле «Аллеи любви» по Бунину (режиссер А. Варсимашвили), где Лаша сыграл писателя. Это уже не импульсивный молодой человек, а роковой мужчина, хладнокровно соблазняющий свою «жертву». При этом он умен, загадочно-притягателен и... одинок. Хотя цинизм и свобода от каких-либо привязанностей — его выбор; в спектакле подчеркивается глубокий эгоцентризм героя.

В гоголевском «Ревизоре» (постановка А. Варсимашвили) Лаша доказал, что умеет

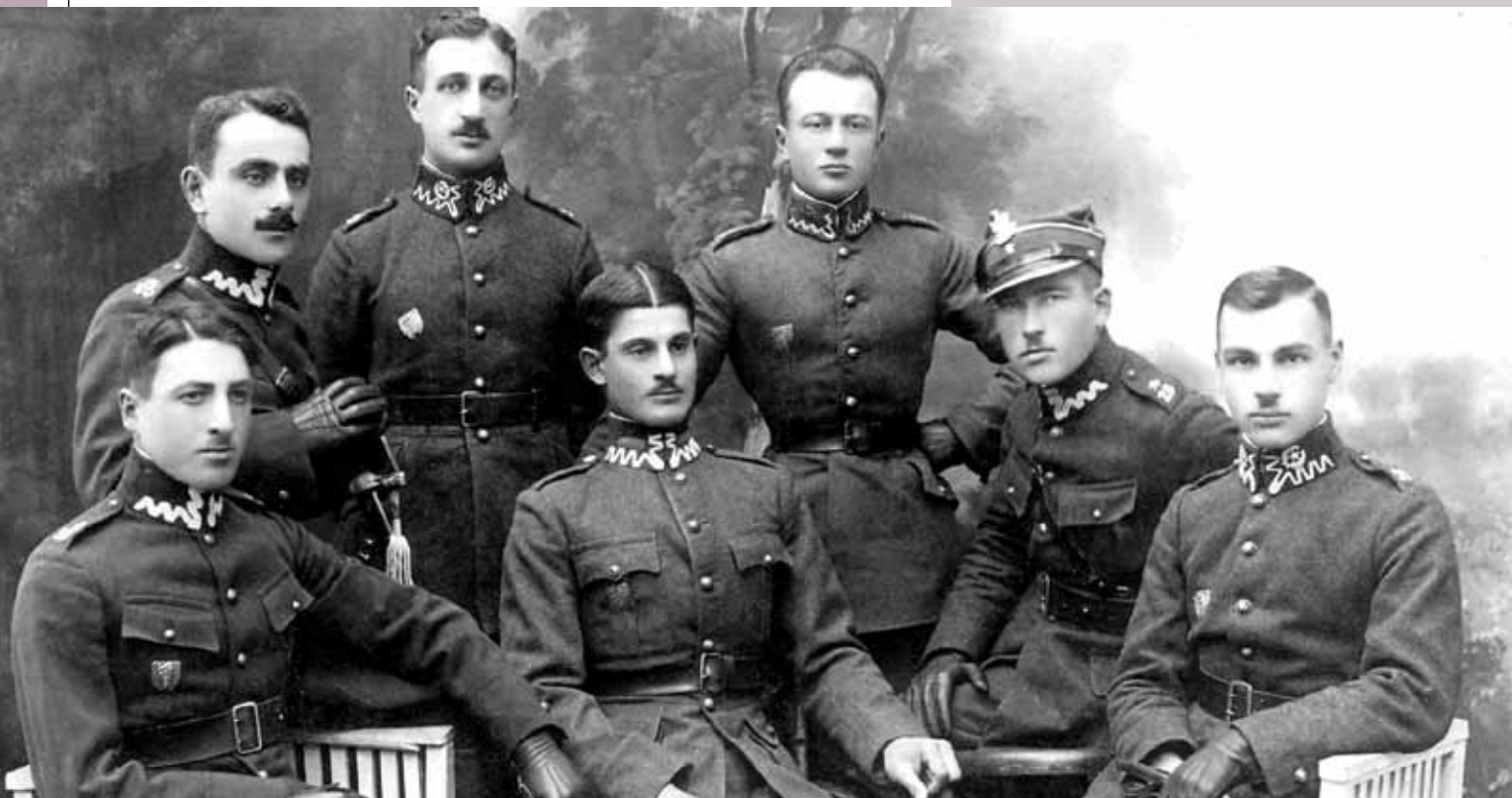
работать в иной стилистике — гротесковой, перевоплотившись в Петра Ивановича Добчинского.

А роли, сыгранные актером в Свободном театре? К примеру, в спектакле Гоги Маргвелашвили «Мачеха Саманишвили» Д. Клдиашвили Лаша играет Платона. Это зрелая работа. Гургенидзе не стремится подчеркнуть отрицательные черты своего незадачливого персонажа, даже относится к нему с известным сочувствием: ничего не поделаешь — слаб человек! Он показывает отягощенность Платона черными думами, словно на его плечах действительно многотонный груз. Груз греха. В одной из сцен он все время извиняется — возможно, в глубине души чувствуя, что совершает что-то неправильное, но справиться с этим не может: таковы обстоятельства его глубоко зависимой жизни!

Недавно Лаша вышел на сцену Свободного в роли Кассио в спектакле Авто Варсимашвили «Отелло» и вновь воодушевил публику своей актерской зрелостью!

А впереди Гургенидзе ожидают новые работы, и зрители с нетерпением ждут их, будучи уверенными: это будет интересно! Ведь все, за что Лаша берется, у него отлично получается... За примером далеко ходить не надо — известны его успехи как танцора! Отметим еще один момент: Лаша обладает отменным чувством юмора и потрясающим даром пародиста. Он регулярно демонстрирует это в небольших видеороликах, которые предлагает своим подписчикам в ФБ... Это всегда очень смешно и вкусно сделано!

От души поздравляем Лашу с круглой датой и желаем никогда не терять присущего ему оптимизма!

Офицеры-грузины в Войске Польском. 1920-е гг.

Те имена, что ты сберег

■ Владимир ГОЛОВИН

15 августа Польша – страна, которая одной из первых признала Грузинскую Демократическую Республику – отмечает День Войска Польского, в становление и в боевые действия которого внесли свою лепту сотни грузин. А перед тем, как вспомнить о них, нельзя не оглянуться на более давнюю историю.

Грузины и поляки пытались установить союз, в том числе и военный – против турецкой Османской империи – еще века назад. В XV столетии царь еще номинально единой Грузии Константин II отправил посольство для переговоров с королем Польским, Великим Князем Литовским Александром I Ягеллоном. А в конце XVII века польский король, выдающийся полководец Ян III Собеский использовал для контактов с Грузией уроженца этой страны Богдана Гурдзецкого – опытного дипломата, работавшего с Персией.

А затем и Польше, и Грузии

было уже не до попыток сблизиться – в конце XVIII-начале XIX веков они потеряли независимость, были разделены между могущественными соседями, и большую часть их территорий аннексировали. И лишь после падения Российской империи, в состав которой были включены обе страны, обретенная ими независимость позволила рассчитывать на межгосударственные отношения. Тем более что у них оказываются практически одинаковые стратегические проблемы: суверенитету Грузии угрожали Россия и Турция, суверенитету Польши – та же Россия плюс Германия.

Так что неофициальное польско-грузинское сотрудничество начинается именно в военной области, в конце 1917-начале 1918 годов. Тогда возникает угроза турецкого вторжения в Закавказье, и на базе российских 5-го пехотного пограничного полка и отдельной горно-артиллерийской батареи создается добровольческая Отдельная Польская Кавказская бригада. В нее входят польские офицеры и солдаты, служившие

в развалившейся российской Кавказской армии.

Командует ею полковник Станислав Росновский, получивший боевой опыт на Первой мировой войне в рядах 73-го Крымского пехотного полка. До лета 1918 года бригада помогает поддерживать законность и порядок в Тифлисе, и это очень важно на ранней стадии возрождения грузинской государственности, при политической нестабильности и возможности угрозы большевистского переворота в столице.

Но после Германско-Грузинского договора и ввода немецких войск в страну правительство Грузии вынуждено под давлением германского командования в Тифлисе расформировать польскую бригаду. На момент роспуска она насчитывает 138 офицеров и 269 солдат. Все они, сменив военную форму на гражданскую одежду, но сохранив боевое оружие, отправляются в Одессу.

Все расходы по эвакуации берет на себя грузинское правительство. Проходит около полутора лет, и глава Польши Юзеф

Нагрудный знак Отдельной Польской Кавказской бригады

Пилсудский предлагает грузинским властям компенсацию и за содержание Отдельной Польской Кавказской бригады, и за отправку ее в Одессу. Но в Тифлисе отказываются от компенсации, чтобы подчеркнуть, как высоко ценит Грузия роль польских солдат и офицеров в становлении ее независимости в 1918-м.

Тем временем отношения двух стран не просто развиваются, но и приобретают все более официальный характер. В конце лета 1918 года в Тифлис прибывает из Варшавы представительство во главе с Вацлавом Островским. Он и выполняет обязанности польского консула на всем Кавказе, а резиденция его в Тифлисе и вице-консульства — в нескольких городах Грузии. Основные его задачи — помощь в репатриации живших в Грузии поляков и вербовка добровольцев в польскую армию.

Полномочия пана Островского расширяются после того, как в ноябре все того же 1918 года провозглашается Вторая Польская Республика. Министерство иностранных дел Польши санкционирует его переговоры с главой МИД Грузии Евгением Гегечкори. Так намечаются перспективы двустороннего политического сотрудничества, а грузинское правительство решает направить в Польшу дипломатическую миссию во главе с Георгием Сидамон-Эристави.

И вот что примечательно: с самого начала взаимоотношений обе страны рассчитывают

на то, что будут равноправными партнерами. Крупные государства, победившие в Первой мировой войне, рассматривают их прежде всего как источник дешевого сырья и стратегически выгодные территории. Поэтому в Варшаве убеждены, что укрепление независимости таких стран, как Грузия, полностью отвечает национальным интересам Польши.

Более того, глава Польского государства и главнокомандующий его Вооруженными силами маршал Юзеф Пилсудский лелеет проект военного и политического блока с Литвой, Украиной, Беларусью и Латвией для противостояния России с Германией и предлагает включить в него Грузию, суверенитету и

территориальной целостности которой угрожала Москва. В Тифлисе не протестуют, ведь такой блок может помочь и против Турции.

И вот, в январе 1920 года грузинские и польские представители оказываются в Париже, на совместной конференции премьер-министров и военных экспертов государств Антанты. Там выдающийся военачальник Первой мировой войны, член Высшего военного совета Франции маршал Фердинанд Фош заявляет, что надо бы создать антибольшевистский военный союз, присоединив Закавказье к Польше, Румынии и странам Балтии.

А через пару месяцев после этого правительство Грузии по-

Юзеф Пилсудский

Георгий Сидамон-Эристави

Титул Филипович

Александр Чхеидзе

лучает телеграмму от польского министра иностранных дел Станислава Патека. В ней – предложение обменяться посольствами, чтобы начать более тесное межгосударственное сотрудничество. И вскоре в Тифлис прибывает Специальная миссия Польской республики во главе с доверенным лицом Пилсудского, заместителем министра иностранных дел Титусом Филиповичем.

Во время этого визита не только обсуждаются возможности двустороннего сотрудничества в политической и военной сферах, но и разрабатывается конкретный текст Договора об оборонительном союзе между Грузией и Польшей. А главное – достигается договоренность о незамедлительной помощи грузинской армии вооружением и боеприпасами.

И тут Филипович принимает предложение Азербайджана посетить Баку для обсуждения сотрудничества Польши и с этой страной. Дипломат рассчитывает, что визит этот будет кратковременным, и в Тифлисе успеют подготовить к подписанию и ратификации текста грузинско-польского договора. Эта замин-

ка в подписании важнейшего документа становится роковой для Грузии.

В конце апреля 1920-го, через несколько дней после приезда Филиповича в Баку, в этот город входит 11-я Красная армия, Азербайджанская республика перестает существовать. А всю польскую миссию во главе с Филиповичем арестовывают и заключают в тюрьму – Польша в состоянии войны с Советской Россией. Потом дипломатов отправляют в Москву и держат в подвалах ЧК до окончания советско-польской войны.

Вот так и получилось, что подписание и ратификация польско-грузинского оборонительного договора отложились на неопределенное время. А меньше чем через год, в феврале-марте 1921 года, Грузия уже поделена между Советской Россией и Турцией. Варшава никак помочь не может из-за войны с РСФСР. И подписывает мирный договор с Москвой только через 4 дня после официальной капитуляции Грузии и на следующий день после эвакуации грузинского правительства и военного командования в Стамбул.

Там от имени Пилсудского военный атташе польского посольства в Турции полковник Балицкий предлагает грузинским офицерам-эмигрантам службу на контрактной основе. Около сотни этих офицеров, да еще шесть генералов принимают предложение, чтобы в составе Войска Польского принести пользу в борьбе с большевиками. Они рассчитывают вскоре вернуться в Грузию, но после разгрома там антибольшевистского восстания 1924 года и начавшихся репрессий вынуждены остаться в Польше.

Руководитель правительства Грузии в изгнании Ноэ Жордания обращается к Франции, Греции и Польше с просьбой помочь в поддержании уровня подготовки эмигрировавших профессиональных военных. И в 1922-1924 годах сотни грузинских юнкеров и офицеров, рекомендованных правительством Жордания, принимаются в польские военные училища и на курсы военной подготовки в учебных центрах. А за следую-

щие 10 лет количество грузинских военнослужащих-контрактников в польской армии уже достигает тысячи.

Все они становятся органичной частью Войска Польского, разделив судьбу его и всей Польши. А часть их – и страшную долю 21 857 военных, полицейских и чиновников, оказавшихся в советских лагерях после захвата в 1939 году польских земель по пакту Молотова-Риббентропа о разделении Польши между СССР и Германией. Весной 1940-го этих пленных казнили по тайному распоряжению Политбюро ЦК ВКП(б). Польское офицерство было многонационально, среди расстрелянных поляков, украинцев, белорусов оказались и грузины.

Знаменитый генерал Александр Чхеидзе был последним начальником Тифлисского военного училища и в феврале 1921 года возглавил юнкеров, оборонявших столицу своей родины от 11-й Красной Армии. После падения независимой Грузии эмигрировал в Стамбул, оттуда – в Польшу. Преподавал на курсах командиров полков в экспериментальном учебном центре и в Варшавской пехотной школе. Служил инструктором в военном училище, затем командовал 14-й пехотной дивизией.

Георгий Мамаладзе

Валериан Тевзадзе

Чхеидзе был уже в отставке, когда во Львов, где он жил, в 1939-м вошла Красная Армия.

Генерала сразу же объявляют «врагом народа», бросают в местную тюрьму, затем – в закрытую тюрьму НКВД в Киеве. Там обвинение расширяется: борьба против Красной Армии в Грузии, служба в польской армии и активное участие в варшавском Комитете грузинских рабочих. С этим набором его этапируют в Москву. «Я принял пленного Чхеидзе А.Д.», – письменно рапортует 16 декабря 1940 года командир спецконвоя украинского НКВД Гриневич.

В первые месяцы 1941-го по решению «тройки» (особого судилища при НКВД СССР) Чхеидзе был осужден и расстрелян в Москве. В том же году неподалеку, рядом с поселком Коммунарка Московской области, казнен майор польской армии Георгий Мамаладзе, арестованный в Варшаве в 1939-м. Ему предъявлены обвинения в «связях с польской разведкой и проведении контрреволюционной деятельности». В Коммунарке был расстрельный полигон, и Мамаладзе стал одним из 32 тысяч убитых в лесу, рядом с которым разместилась загородная резиденция народного комиссара внутренних дел Генриха Ягоды.

А офицеры-грузины Войска

Польского – капитан Аркадий Схиртладзе, капитан Михаил Русиашвили, лейтенант Илья Какабадзе, также взятые в плен советскими войсками, погибли в другом страшном месте, в ставшем символом военных преступлений Катынском лесу Смоленской области. Они оказались среди 4420 польских граждан, расстрелянных там, как «агенты разведки и жандармы, шпионы и диверсанты, бывшие землевладельцы, владельцы фабрик и чиновники».

Другой грузинский генерал Войска Польского тоже попал в плен после раздела Польши, но был отпущен на волю. Александр Закариадзе оказался не в советском, а немецком плену. Отряд германской армии, пленивший генерала, объявил его «последним защитником Польши». Во время Первой мировой войны он был офицером Генштаба России, в 1920-1921 годах возглавлял Генеральный штаб грузинской армии. После 6-месячной стажировки в штабе пехотной дивизии остался преподавать в Высшем военном училище. Из его служебных характеристик: «Выдающийся офицер, с незаурядными военными знаниями, прекрасными качествами характера и духа. Был ценным активом для польской армии... Солидный, спокойный, верный».

После таких слов понятно, почему именно Закариадзе представляет в Варшаве интересы всех грузинских офицеров, служащих в польской армии, и становится неформальным представителем правительства Грузии в изгнании. С началом войны он попадает в плен, но через пару недель его освобождают, запретив выезжать из Варшавы, под постоянный надзор коменданта города и гестапо. После окончания войны, выполнивший долг перед Польшей грузин переезжает в Париж.

Множество высоких наград за почти 20 лет службы в польской армии получил генерал Александр Кониашвили, отличившийся и у себя на родине. Георгиевский кавалер Первой мировой войны с 1918 года был в Народной гвардии независимой Грузии. Сражаясь с денikinцами, командовал Сочин-

ским районом и Черноморским гарнизоном, потом возглавил тифлисскую милицию. В Польше он служил заместителем командира пехотной дивизии. После оккупации Польши в 66 лет снял погоны и сумел выехать в Италию. Умер в Аргентине.

Еще три генерала-грузина из-за возраста и болезней не дожили до войны с немцами, но успели немало сделать для Войска Польского. Кирилл Кутателадзе преподавал в Центральной стрелковой школе в Торуне, командование характеризовало его так: «Во всех отношениях тактичный, чрезвычайно умный и предприимчивый, с большим практическим и теоретическим опытом, он проявил необычайные качества, интерес и отличился перед другими первоклассными теоретическими знаниями». Умер он в Варшаве от рака.

Иване Казбеги польские коллеги называли Яном Казбеком. Участник Русско-японской войны, в независимой Грузии возглавлял административное подразделение Военного министерства. В Польше он до 74 лет читал лекции в Военной академии.

В Русско-японской войне участвовал и Захар Бакрадзе, который в Грузинской Демократической Республике командовал крупными подразделениями. В Польше он прошел практику в лагере артиллерийской школы и стал командиром пехотной дивизии. Служил до 69 лет, потом вышел в отставку. Погиб в

Аркадий Схиртладзе

Илья Какабадзе

дорожном происшествии, но в знак признания воинских заслуг погребен на военном кладбище.

А на одном из памятников кладбища в нижнесилезском городе Дзержонюве значится надпись: «Как грузин, я хотел бы быть похороненным в Грузии, но я счастлив, что я буду похоронен в земле благородного и храброго польского народа». Это могила человека удивительной судьбы, полковника Валерьяна Тевзадзе, в сентябре 1939-го командовавшего северным сектором обороны Варшавы. Он был одним из основателей армии независимой Грузии, заместителем главы ее разведки.

После оккупации немцами Польши он меняет имя на Валерий Кшижановский и под псевдонимом «Томаш» вступает в Армию Крайову, возглавляемую из Лондона польским правительством в эмиграции. Был начальником штаба одной из дивизий во время операции «Буря» по захвату территорий, оккупированных немцами, до прихода Красной Армии. Потом – антикоммунистическое подполье... Награжден орденом «Виртути Милитари», вручаемым за выдающиеся боевые заслуги. Прожил свыше 90 лет, стал одним из героев документального фильма режиссера Ежи Любаха «В кепке и тигровой шкуре».

Кавалером этого ордена был и майор Артемий Аронишидзе, при обороне Варшавы командовавший батальоном. После

немецкого плена вступил в Армию Крайову под именем Яна Пилецкого. В 1945-м арестован НКВД, ожидал смертного приговора «за деятельность во вред Красной Армии», но амнистия спасла его. Еще один обладатель ордена «Виртути Милитари» – кавалерист Виталий Угрехелидзе тоже перенес немецкий плен, потом воевал в Италии в корпусе британской армии под командованием генерала Владислава Андерса.

...Во главе строя своих кавалеристов рубил немецкую пехоту командир батальона уланов майор Михаил Квалиашвили. С бронированными «тиграми» сражался капитан-танкист Ежи Ратишвили. Отличными тактиками проявили себя заместитель командира пехотной дивизии полковник Роман Гвелесиани и начальник штаба другой дивизии капитан Ладо Мачарадзе...

В польских формированиях генерала Андерса в британской армии отличились в боях в Италии и на Ближнем Востоке капитаны пехоты Георгий Джавахишвили и Михаил Кикнадзе, артиллерийский капитан Владимир Лагидзе... В одной из решающих битв Второй мировой войны – под Монте-Кассино в 1944 году участвует армянин из Грузии капитан Мелик Сомчанц...

Но не только в сражениях на суше звучали грузинские имена. Для князя Георгия Туманишвили польский язык был вторым родным – его мать Ядвига Шишко была дочерью генерала-поляка. И все звали его на польский манер – Ежи. В 5-летнем возрасте его вывезли из захваченной большевиками Грузии в Варшаву, где его отец с 1924 по 1930 год возглавлял местный Грузинский эмигрантский комитет. В 19 лет Ежи по рекомендации генерала Закариадзе зачислен в Польскую военно-морскую академию.

Через год после окончания академии начинается вторжение немцев, и корабельный артиллерист Туманишвили участвует в опаснейших военных операциях. В 1940 году это Норвежская кампания, попытка союзников оккупировать север Норвегии и битва за французский порт Кале. В 1943-м – конвоирование гражданских кора-

блей в Атлантике и сражение в Бискайском заливе с немецкими эсминцами и миноносцами. В 1944-м – решающая высадка союзников в Нормандии.

Во время патрулирования в проливе Ла-Манш он был ранен в ногу, получил звание капитана флота, печатался в журнале «Сражающаяся Польша», издаваемом Управлением пропаганды Министерства военных дел Великобритании для всех поляков, оказавшихся за границей.

В 1950 году пан Ежи эмигрирует из Варшавы в США, становится там активным членом Польского военно-морского союза. А в 2008 году президент Польши Лех Качиньский присваивает ему звание контр-адмирала в отставке. Кавалер ордена «Виртути Милитари» Туманишвили умер на 94-м году жизни во Флориде.

А с офицером Виктором Ломидзе происходит непростая история. Эмигрировав из Грузии, он проходит морскую подготовку и до войны служит в Пинской речной флотилии Военно-морских сил Польши. С началом войны он – на минном заградителе «Грыф» («Гриффон»). Это судно отправляется минировать вход в Гданьский залив, но в пути его атакуют 33 немецких пикирующих бомбар-

Ежи Туманишвили

Памятная надпись на площади во Вроцлаве

дировщика «Юнкерс-87».

После попаданий нескольких бомб экипаж теряет 22 моряка, в том числе, и капитана. Приняв командование и опасаясь взрывов, старпом Ломидзе приказывает сбросить в море все мины — основное оружие беззащитного для авиации корабля. Это позволяет сохранить крупное судно и его команду для дальнейших боев. Но минировать залив уже нечем. И многие ставят это в вину Ломидзе.

Когда оборонять побережье становится уже невозможным, Виктор с несколькими офицерами на небольшом рыболовном катере пересекает Балтийское море, добирается до Латвии, оттуда — до Швеции и Великобритании. Но командовать кораблями ему больше не позволяют. И остаток войны он проводит на штабных должностях. Карьеру завершает в звании командера (капитана 2-го ранга), дожив в Лондоне до 84 лет.

Грузинские офицеры, присоединившиеся к подполью, участвовали в Варшавском вос-

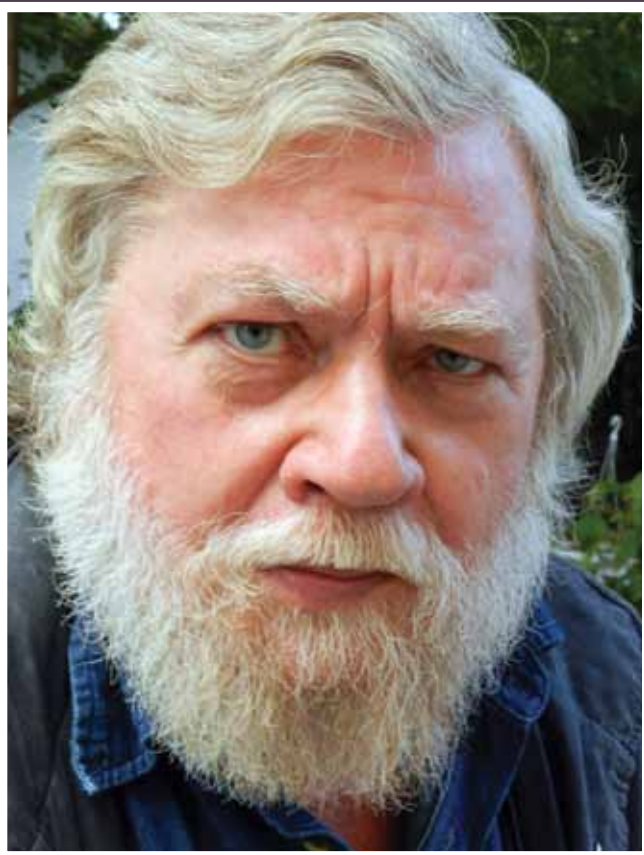
стании и лишь около 15-ти из них пережили войну. А после войны большинство военнослужащих-грузин из Армии Крайовой или уехали из Польши в Западную Европу, или оказались в советских лагерях. И перечислить все имена здесь просто нет возможности: журнальные страницы — не стелы мемориалов. Но в благодарной памяти потомков их товарищей по оружию эти люди живут.

В Музее Варшавского восстания стоит памятник грузинским офицерам, погибшим под знаменами Войска Польского во время Второй мировой войны. Единственный памятник грузинским воинам за пределами Грузии. А во Вроцлаве — городе-побратиме Батуми, одна из площадей — кольцевых развязок названа именем грузинских офицеров польской армии. «Это имеет большое символическое значение, — заявил маршал Нижнесилезского воеводства Цезарь Пшебильский, — поскольку не все знают, что грузинские офицеры сражались

Памятник в музее Варшавского восстания

бок о бок с польскими солдатами. Это место будет напоминать о страницах нашей истории».

ВЛАДИМИР АЛЕЙНИКОВ

ИЗ ГАЛАКТИОНА ТАБИДЗЕ

Владимир Алейников – поэт, прозаик, переводчик, художник. Родился в 1946 г. в Перми. Вырос на Украине. Окончил отделение истории и теории искусства исторического факультета МГУ. Основатель (вместе с Леонидом Губановым) знаменитого литературного содружества СМОГ («Смелость, Мысль, Образ, Глубина»). В 1980-х гг. получил известность как переводчик поэзии народов СССР. Более четверти века его тексты широко распространялись в самиздате, с 1965 г. публиковались на Западе. Начал печататься на родине только в период перестройки. Автор многих книг стихов и прозы. Лауреат премии Андрея Белого, Бунинской премии, ряда журнальных премий. Живет в Коктебеле.

Вчерашней ночью ветер прилетал –
И долго я не мог заснуть, к несчастью.
Пристанища тогда я не искал,
Но не было приюта у ненастья.

То всхлипывал за дверью гость ночной,
То сторожем под окнами шатался.
Он прошлое раскрыл передо мной –
И в горести я сразу разрыдался.

И я, как он, в безвестности бродил –
И столько я ночей своих прославил,
И сладостные мысли погубил,
Утехи и мечтания оставил...

Вчерашней ночью ветер прилетал –
И в час, когда настало пробужденье,
Был воздух пуст – и ясный свет упал
На землю без намека на движенье.

Я вышел в сад... На тропке, в тишине,
Листва уже лежала золотая –
И долго, долго брел я, как во сне,
В минувшие лета перелетая.

Дней игра кружит ли, к нам пристрастна,
Иль цветы пылают в тишине –
Для меня, как день, давно уж ясно,
Что потомство скажет обо мне.

Пусть лета уходят в эстафете,
Ветер сменит ветры всех времен...
Как земля единственна на свете,
Так на ней – один Галактион.

ЛАЗУРЬ, ИЛИ РОЗА В ПЕСКЕ
Мать Божия, солнце Мария!
Словно роза в дожде и в песке,
Жизнь моя – только сны золотые
Да лазурь в небесах, вдалеке.

Станут сумерки вестью тумана –
И когда рассветет не в бреду,
Пивший вина с бессонницей – встану,
Как вдова, я к иконам приду.

Ночь не спавший, издевавший вина,
Прислонюсь я к церковным дверям.
Храм – лучей переполнит лавина,
Чтобы ризам сиять и дарам.

И тогда-то скажу: я вернулся –
Лебедь, раненный садом мечты!
Посмотри – я к ней с детства тянулся –
Как лица изменились черты!

Насладись! Погляди в мои очи –
Эти росы с фиалками грез,
Горевавшие с винами ночи,
Полны мстостью беспамятных слез!

Насладись! Тем ли живы поэты?
Лишь Тебя ожидая с мольбой,
Пусть душа, точно бабочка эта,
Под Твоею погибнет стопой.

Что бывает взамен? Я не знаю...
Где же счастье для душ на земле?
Словно Дант, я вернулся из Рая –
Ад измучил — я гибну во мгле!

И когда на пути, за ненастьем,
Смертный час осознаю вполне,
Даже вместе с последним причастьем
Не придет Твое имя ко мне!

Руки сложат... Порой ураганной
Унесут меня кони!.. Тогда,
Пивший вина с бессонницей странной,
Я в могилу сойду навсегда.

Мать Божья! О солнце Мария!
Словно роза в дожде и в песке,
Жизнь моя – это сны золотые
И лазурь в небесах, вдалеке!

Так светла моя жизнь, как прозрачно вино,
И сияет, покуда хватает в ней света.
В ней давно я упрочил величье поэта,
А бессмертье настанет – я понял давно.

Ясных дней хоровод все такой же,
не краше, –
И поднимаю я чашу за здоровье ваше,
Чьи знакомства – лишь страсти,
увлекшие слово.
Ни грядущего я не боюсь, ни былого.

Тринадцать лет тебе – и у тебя в плену
Седого сердца наваждение злое.
Тринадцать пуль прошу – навеки я усну,
Тринадцать раз покончу я с собою!

Еще тринадцать лет мелькнут, как полчаса, –
Пусть двадцать шесть дорог
незримо приближают,
Но срежет свежесть ирисов коса –
Плачь, время! – ведь стихи от боли зарыдают.

Ох, как уходит молодости цвет –
Желанье льва! пощады в нем не вижу!
И грустной нежности прекрасней в мире нет,
Когда светило осени все ближе.

Кружился снег над зимними садами.
Темнее ночи, черный гроб несли, –
И, стяги раскрывая над ветвями,
Терзался ветер, высок и седовлас.
Дороги не было пустыней, чем сейчас, –
Без облика, в крупитчатой пыли, –
Лишь гроб другой чернел на ней вдали...
Беседа воронов не требует прикрас:
Бей в колокол! Оставь завет хотя б для нас!
Кружился снег над зимними садами.

ТВОЯ УЛЫБКА

Вот улыбка твоя... Леонардовой кисти движенье
Я не видывал сам – обрело оно сразу бессмертье.
Мне открылось иное несчастий людских
постижение:
Слишком ранняя смерть, похорон твоих
жестокосердые...

Так улыбку твою итальянское солнце манило!
Там, под небом Торквато, свиданье ждало
с мастерами...

Там небесным огнем вдохновения
всех опьянило –
Но не ты опьянеешь Искусства святыми дарами!..

Отдал счастье улыбке твоей, – изумленные дали
Всей души моей, – все, что имел,
чем я жив был доныне, –
Но из глубы души так преступно улыбку украли,
Как из Лувра Джоконду похитили –
там, на чужбине!

Я сплю... лежу и сплю, –
Пусть, буду спать.
Ты видел на устах скептическую улыбку
При колыбельных нянь, раскачивавших
зыбку? –

Ведь, пусть и спящий, я всему внемлю –
И страшен я в тот час, когда пора вставать,
Когда в лучах зари, куда не все вы вхожи,
Я вижу сны, что так на ваши непохожи.

Ветер свищет, взмывает, летит,
Вслед за ним улетают листья...
Строй дерев изгибая, твердит:
Где же ты, где же ты, где же ты?..
Как дождит, сколько снега – беда!
Не найду я тебя никогда!
Облик ясный твой всюду со мной,
Неразлучный в юдоли земной!..
С неба изморось мысли кропит...
Ветер свищет, взмывает, летит!..

ГРУЗИНСКАЯ «ПЕРЕЗАГРУЗКА» РИМАСА ТУМИНАСА

■ Николай СВЕНТИЦКИЙ

Так счастливо сложилось, что десять летних дней стали для меня не только великой радостью, но и великой школой.

Не скрою, меня переполняют самые светлые, самые прекрасные чувства, и я не могу ими не поделиться. Иначе просто взорвусь!

Давно и правильно сказано: «Все движется любовью». Воистину.

И жизнь человеческая, и творчество, и хорошие спектакли, и дружеское общение – все движется любовью...

С Римасом Туминасом мы знакомы давно. Я очень его люблю. Это грандиозный режиссер и необыкновенный человек. Мне очень, очень хотелось, чтобы Римас приехал в Грузию – передохнуть, перевести дыхание, никуда не спешить, насладиться отдыхом. Чтобы произошла своего рода «перезагрузка». И я ему позвонил и предложил приехать. Разумеется, на фоне то и дело отменяющихся рейсов и перекрытых небесных пространств, с ходу согласиться на неожиданное предложение было затруднительно. Римас ответил: «Подумаю...» Но судьба к нам благоволила, и в сетке авиаперелетов внезапно «выскочил» прямой рейс по маршруту Вильнюс-Кутаиси. И Римас прилетел. И провел десять дней на берегу Черного моря, в Шекветили. Кто там бывал, тот знает – лучшее место для отдыха придумать трудно. Чудесный лес, бескрайний пляж с целебным магнитным песком... «В этом есть что-то феллиниевское», – сказал Римас, обозревая пустынный берег. И правда, казалось, что сейчас зазвучит румба и появится Сарагина, или мальчишки из монастырского училища пулей пронесутся мимо нас, или вот-вот соберутся жители Римини, чтобы сесть в свои лодки и поплыть любоваться лайнером... Римас внимательно и спокойно смотрел на волны, а я никак не мог понять, кто кем любит – Римас морем или море Римасом?

Он приехал с супругой Ингой. Скажу прямо: Инга заслуживает отдельного рассказа или даже повести. То, что она – прекрасная актриса, знают все. Но какая же это невероятно обаятельная, умная, магнетически очаровательная женщина! Настоящая соратница, верный друг, преданная помощница. Такая жена, я вам скажу, как выигрыш в лотерею. Римас сорвал этот джекпот...

А потом были поездки в Озургети, Поти, Батуми... И встречи с грузинскими коллегами, и застолья, и самые теплые тосты, какие мне толь-

ко доводилось слышать в жизни... И без конца звонили вахтанговцы, радовались, что любимый маэстро отдыхает в Грузии... Ах, с какой нежностью Римас говорил о своих артистах, о директоре Кирилле Кroke... «Все движется любовью»...

Но вот, в один прекрасный день, мой телефон требовательно звякнул – пришло сообщение от Роберта Стуруа. Оно было коротким и исчерпывающим: «А почему это вы пьете без нас?». «Приезжайте», – тут же ответил я.

И сейчас я хочу написать о том, ради чего и затеял весь этот рассказ.

Стуруа приехал. Он ехал пять часов из Тбилиси и затем пять часов обратно, чтобы провести с Римасом один час сорок минут. Он не мог задержаться дольше – в театре ждали важные и совершенно неотложные дела. Но какие это были один час сорок минут – боже мой! Как эти два великих человека общались, как слушали друг друга, как советовались, как шутили! Справедливости ради надо добавить, что привезенные Гией Тевзадзе, директором театра Руставели, пять литров отменного кахетинского вина идеально дополнили обстановку.

А потом Стуруа позвонил и спросил, когда Римас вылетает. Добавил, что приедет в аэропорт его проводить. Конечно, я отнесся к этому как к шутке. А как иначе можно было отнестись к подобной фантазии? При дико напряженном рабочем графике, в его возрасте (как ни крути – 85 лет!), при не самом богатырском здоровье потратить семь часов на дорогу туда и обратно, чтобы помахать рукой? Невозможно! Но Стуруа, честное слово, снова приехал! Он потратил эти семь часов – ради того, чтобы обняться с Римасом на прощанье...

Вот это и есть та великая школа, о которой я упомянул в начале: школа общения, дружбы, исключительного человеческого внимания.

Я не забуду этого никогда.

И мне кажется, что сейчас там, в Шекветили, волны все так же бегут к суше, и море все так же пристально вглядывается в берег, стараясь различить и запомнить навсегда два силуэта – крепко обнявшихся Римаса Туминаса и Роберта Стуруа.

Как и было сказано,

«И море, и Гомер – все движется любовью. Кого же слушать мне? И вот Гомер молчит, И море черное, витийствуя, шумит

И с тяжким грохотом подходит к изголовью».

Матильда Мгебришвили

ТВОРИТЬ – ЗНАЧИТ УБИВАТЬ СМЕРТЬ

■ Кетеван МГЕБРИШВИЛИ

Склонившись над рабочим столом, женщина сосредоточенно рассматривает старинную картину. Заранее прикидывает, какого рода работы следует провести. Для восстановительного процесса необходим кропотливый труд реставратора, от которого требуется настоящее мастерство, знание своего дела, изобретательность и, что самое главное, терпение. Все эти качества были в полной мере присущи художнику-реставратору Матильде Ивановне Мгебришвили.

Она прожила интересную, полную богатых впечатлений жизнь. Матильда родилась в 1905 году в Батуми, здесь получила и начальное образование – ее семья была достаточно состоятельной и могла себе позволить нанять частных репетиторов, поэтому иностранным языкам и рукоделию Матильду и ее сестру Генриетту обучали гувернантки. Благодаря матери, которая прекрасно рисовала и вышивала, будущая художница с детства увлеклась рисованием, вышивкой и резьбой по дереву. В семье сохранилась деревянная коробка, сделанная ею в детстве, украшенная орнаментами и изображением маленькой девочки, стоящей на фоне моря. В 1919 году семья переехала в Тбилиси, и Мгебришвили стала посещать художественную студию Мосе Тоидзе, затем поступила в Тбилисскую Академию художеств, где ее педагогами были такие известные мастера, как Евгений Лансере и Борис Фогель. В 1930 году, завершив обучение, Матильда вместе с семьей уехала в Иран, куда был командирован ее отец. В Тегеране она встретила со своим будущим супругом, который в то время работал в Представительстве Торговой палаты СССР.

ДВОРЕЦ АЛИ-КАПУ

Иран – страна шахов и дервишей, минаретов, пестрых ковров и таинственных чадр – пленил молодую художницу. Она стала с интересом изучать лучшие образцы персидской миниатюры. В 1931 году Матильда отправилась в Исфахан и, получив специальное разрешение, начала перерисовывать фрески дворца Али-Капу (она сделала 30 копий в натуральную величину, все они сегодня находятся в Музее искусств Грузии). Дворец Али-Капу построен в начале XVII века по приказу шаха Аббаса I. Это строение является одним из значительных архитектурных памятников периода правления Сефевидов. В его роскошных залах шах устраивал приемы в честь послов и других почетных гостей. Настоящая жемчужина дворца – настенная роспись, выполненная известным живописцем Резо-йи-

Зарисовка

Аббаси, главным художником Аббаса I. Когда-то величественный дворец шаха к тому времени оказался в катастрофическом состоянии: потолок протекал, штукатурка осыпалась, в трещинах свистел ветер. Терпеливая художница работала с утра до вечера, рисуя гуашью, акварелью, темперой. Среди копий фресок, снятых Матильдой, – «Писательница», «Флирт», «Сестры», «Сидящая фигура», «Животные».

Возвратившись в Тегеран, она создала свои собственные миниатюры. Художница искала вдохновения прямо на улицах персидской столицы – мальчик, продающий рыбу, колоритный торговец гранатом, женщина в традиционном восточном одеянии. Эмоциональность и совершенство технического исполнения характеризуют зарисовки периода 1931-1932 гг.: «Религиозные обряды», «Персидская цы-

ганка», «Скиталец» и «Весеннее утро». В 1933 году в Национальной галерее Грузии состоялась выставка копий фресок дворца Али-Капу, выполненных художницей. В каталоге выставки было сказано: «Данная экспозиция является первым почином в деле изучения дворцовых росписей Персии, на что до последнего времени не было обращено должного внимания со стороны европейских специалистов по персидскому искусству». «Копии фресок полностью передают стиль оригинала и фактуру росписи. С документальной точностью передано теперешнее состояние фресок. Особо надо отметить, что проделанная Матильдой Мгебришвили сложная работа по фиксированию памятников персидской живописи является первой попыткой изучения и фиксации персидской настенной живописи, произведенной специалистами из СССР», – писал профессор Шалва Амиранашвили. В галерее были выставлены все тридцать фресок, сделанных в Иране. В 1934 году рисунки Матильды Мгебришвили экспонировались в Москве, в Музее восточного искусства, и получили положительные отзывы советской прессы. Спустя год эти же работы были выставлены в Ленинграде, в Государственном

Пейзаж

«Торговцы гранатом»

Эрмитаже, где в то время проходил третий Международный конгресс иранского искусства. Советский Союз был представлен на ленинградской выставке 800 работами, из которых 300 экспонатов были отосланы из Грузии. В 1938 году пять миниатюр этого периода были выставлены на выставке советской графики в Нью-Йорке, и, к сожалению, бесследно исчезли. У автора не осталось даже копий этих работ. В 1962 году в журнале «Женщина Грузии» была опубликована статья, посвященная жизни и творчеству Матильды. В ней приводился интересный факт, связанный с фресками дворца Али-Капу. Оказывается, Музей искусств Грузии в то время посетила делегация военнослужащих из Ирана и, когда ее члены осматривали отдел персидского искусства, то, увидев фрески Али-Капу, с горечью отметили, что от старой живописи дворца в Исфахане почти ничего не осталось. «Что не смогли поглотить века – смысла стихия», –

было отмечено в статье.

Еще был свеж в памяти экзотический мир Персии, когда на Матильду нахлынули новые впечатления. В 1935 году судьба занесла ее в Китай, куда ее супруг был направлен на работу в качестве генерального консула СССР. Поселившись в провинции Синдзянь, в городе Кашгаре, художница занялась педагогической деятельностью. Она преподавала живопись, рисование и лепку детям советских граждан, работающих в Китае. И продолжала создавать свои произведения. Используя освоенную в Иране технику миниатюры, художница смогла лаконично и просто передать черты национального характера китайцев, их повседневную жизнь. «Осень в Китае», «Посев», «Сбор урожая», «Рынок в Китае» – вот далеко не полный перечень ее работ. Удачной подборкой тем и динамичностью композиций обусловлен успех китайского цикла миниатюр, часть которого была

выставлена в Москве. Хорошо изучив китайскую технику живописи, по возвращении на родину художница создала эскизы ковров, предназначенных для экспорта в Китай.

«СМУТНОЕ ВРЕМЯ»

Однако спокойная и размеренная жизнь художницы завершилась в конце тридцатых годов, когда по всему Советскому Союзу прокатилась волна репрессий. «Смутное время» не миновало и семью Мгебришвили: были арестованы мать, супруг и отчим художницы. Семья едва сводила концы с концами, зарабатывая изготовлением искусственных цветов, которые укладывали в чемодан и относили на продажу в маленькую контору, находящуюся в здании тбилисского кинотеатра «Спартак». «Этим цветами тогдашние модницы украшали шляпки и платья, поэтому они хорошо продавались и дали нам возможность выжить», – вспоминала позднее сестра художницы Генриетта Мгебришвили. Спустя годы из ссылки вернулась мать Матильды – Нина Цинцадзе. К этому времени она была уже тяжело больна и вскоре скончалась. Информацию о судьбе своего мужа художница так и не узнала. Лишь через много лет, после начала процесса реабилитации незаконно репрессированных лиц, дочь Матильды, Камилла, написала запрос в соответствующее ведомство и получила официальное извещение о том, что отца расстреляли в 1939 году.

РЕСТАВРАТОР КАРТИН ПИРОСМАНИ

Матильда Мгебришвили около 20 лет проработала в Музее искусств Грузии художником-реставратором. Ей принадлежит заслуга в «оживлении» и «лечении» десятков ценнейших полотен мастеров различных эпох. Это искусство она освоила в Москве, в центральных реставрационных мастерских Министерства культуры СССР. Художница с успехом реставрировала картины русских, грузинских и иностранных мастеров. Так, например,

«Сванети» (зарисовка)

Мгебришвили спасла от гибели произведение русского художника-пейзажиста Михаила Клодта «Русский пейзаж», известную картину Гиго Габашвили «Портрет царя Ираклия II», ею отреставрированы полотна Сурикова, Васнецова, Репина, Мревлишвили, Тоидзе, более 20 работ Гиго Габашвили, около 80 работ Нико Пиросмани.

В 1961 году в здании Союза писателей Грузии проводилась инвентаризация, в комиссию входил народный художник Грузии Ладо Гудиашвили. Роясь на чердаке, он обнаружил работу Пиросмани, которую Союз писателей подарил Дому-музею художника в селе Мирзаани. Картон, на котором была исполнена работа, распался на отдельные куски, из которых сохранилось семь, остальные были утеряны. Краски потрескались и осыпались. По совету Гудиашвили картина для реставрации была передана Матильде Мгебришвили. Работа Пиросмани оказалась одним из наиболее трудных «пациентов» Матильды Ивановны, поскольку требовала дублирования, то есть наклейки на новый холст. На это ушло два месяца. Сначала пришлось укреплять красочный слой: картину смазали рыбьим клеем, сверху наклеили папиросную бумагу и проглади-

ли теплым утюгом. Затем последовала наиболее кропотливая и ответственная часть работы – с перевернутой вниз картины ножом соскоблили весь картон, а оставшиеся куски живописного слоя приклеили к заранее подготовленному холсту. После этого свободные места загрунтовали и врисовали недостающие части картины. Так умелые руки реставратора возвратили к жизни творение замечательного художника. Восстановленное произведение оказалось неизвестным вариантом картины «На гумне» («Калооба»), хранящейся в Музее искусств Грузии. Истории «возвращения» этой работы Пиросмани была посвящена специальная статья в газете «Вечерний Тбилиси», она называлась «81-я картина Пиросмани».

Не менее трудоемким был процесс работы над восстановлением огромной картины Франца Рубо «Взятие Карса». Работа поступила в музей в очень тяжелом состоянии, была покрыта трещинами и белыми выцветшими пятнами. Реставратор восстановила целый слой красок, нанесенный на холст, в некоторых местах наложила швы и покрыла их новыми красками. «Люблю свою специальность, – говорила Матильда, – наверное, потому что я сама художник-миниатю-

«Портрет старика с кувшином» (зарисовка)

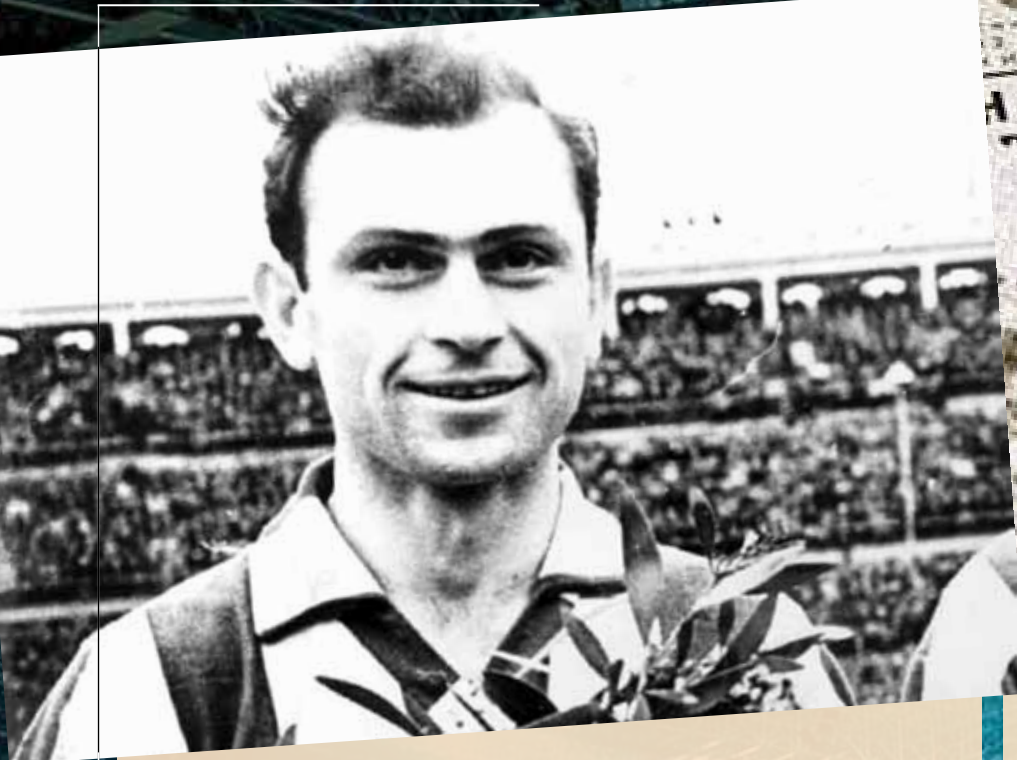
рист, восстановление цветочных слоев по характеру – миниатюрное искусство».

Матильда также была талантливым иллюстратором – ею оформлена книга «Китайские рассказы и сказки», с большим вкусом проиллюстрирована монография Дмитрия Джанелидзе «Грузинский театр» и сказка «Хатабхани и Шах».

В начале 60-х годов прошлого столетия Мгебришвили посетила один из красивейших уголков нашей страны – Сванети. Серия работ, созданная ею во время путешествия по этому краю, занимает достойное место в творчестве художницы.

Матильда Мгебришвили скончалась в 1965 году. Спустя два года после ее кончины в Музее искусств Грузии состоялась персональная выставка художницы. Множество почитателей ее таланта посетили экспозицию. В центре зала стоял мольберт с портретом Матильды – с фотографии на посетителей смотрели ясные глаза художницы, словно еще раз напоминая истинность слов Ромена Роллана: «Творить – значит убивать смерть».

В статье использованы материалы из журнала «Советское искусство» (№12, 1988 г.)

ФУТБОЛ, МИХАИЛ МЕСХИ И ГАЗЕТА «ПРАВДА»

■ Сергей ИОАННЕСЯН

Посвящается тем, кто оказал определяющее влияние на мое развитие в... пятилетнем возрасте. Моей бабушке – большевику-ленинцу, его Величеству Футболу в лице неповторимого Михаила Месхи, и, как ни странно, коммунистической пропаганде, о сути которой тогда я не имел никакого понятия. А в целом – это дань памяти безвозвратно ушедшим годам моего детства и ценностям минувшего времени.

В этот ветреный, не такой уж теплый для Тбилиси мартовский день 1962 года, началось очередное первенство СССР по футболу. Обычно старт давался на южных стадионах необъятного Советского Союза, где начинала проглядывать трава в отличие от других регионов, еще покрытых снегом. В тот памятный вечер меня – пятилетнего сорванца-бандита – дядя посадил на маленький

стул перед нашим «Рекордом». Призывно зазвучал футбольный марш Блантера, приглашая болельщиков к экранам телевизоров, чтобы ближайшие два часа эмоционально поддерживать свои команды, яростно жестикулируя и хватаясь за голову в моменты наивысшего напряжения, когда мяч вот-вот должен оказаться в воротах соперника. Прекрасно помню, как начал наблюдать за происходящим на

небольшом черно-белом экране, еще не осознавая, что оказался раз и навсегда в плену этой прекрасной игры, собирающей сотни миллионов людей по всему миру.

Небольшого роста худенький игрок сразу привлек мое внимание. То, что он делал на поле, не шло ни в какое сравнение со всем остальным. Мяч, казалось, невидимой нитью был привязан к его ногам, перемещаясь от одной к другой. В свои пять лет я уже мог, как мне казалось, определить исключительность того, кого незабвенный комментатор Эроси Манджгаладзе называл «Михаил Месхи». Тогда я даже не мог представить себе, как этот человек уже в ближайшие полтора месяца изменит мою жизнь, не говоря уже о том, что на долгие годы станет для меня, со своим знаменитым финтом, покорившим весь мир, эталоном и идиолом, олицетворявшим Великую игру под названием Футбол.

Наблюдая, я не мог понять, почему рядом с ним неизменно находилось несколько игроков, которых он, по сути, превращал своими ловкими движениями в «клоунов» – в наши дни очень популярное выражение. Видимо, просто невозможно печатным словом объяснить произошедшую со мной в тот день метаморфозу – почему этот игрок мгновенно овладел моим сознанием и до сих пор снится

ЗАРЯ ВОСТОКА

Орган Центрального и Тбилисского комитетов компартии Грузии
и Советов депутатов трудящихся грузинской ССР
«Заря Востока» — издается ежедневно, кроме воскресенья,
всего 115 (9000) экземпляров на русском языке. Цена 20 коп.

№ 115 (9000) Четверг, 20 мая 1954 г.

Экзамены в школе

Скоро в жизни наших детей наступит важный момент — экзамены. Это время, когда школьники должны показать свои знания и умения. В этот период родители должны помочь своим детям подготовиться к экзаменам. Важно, чтобы дети не только учились, но и развивали свои способности. Школа должна быть местом, где дети могут учиться и расти.

Важно, чтобы дети не только учились, но и развивали свои способности. Школа должна быть местом, где дети могут учиться и расти. В этот период родители должны помочь своим детям подготовиться к экзаменам. Важно, чтобы дети не только учились, но и развивали свои способности. Школа должна быть местом, где дети могут учиться и расти.

По Советско

В ознаменование 300-летия воссоединения Украины

Торжественные заседания и вечера в Москве

Москвичи торжественно отмечают 300-летие воссоединения Украины с Россией. На мероприятиях, строясь, в учреждении и учебных заведениях столицы проводится работа, посвященная этой знаменательной дате. В музеях и библиотеках открылись выставки. Доклады посвящены истории и культуре Украины. В театрах и концертных залах проходят вечера, посвященные Украине. В этот день в Москве звучит украинская музыка, а на улицах можно увидеть украинские флаги.

Восстановление — место рождения украинской культуры. На фото — здание Национального театра Украины в Москве.

В ознаменование 300-летия воссоединения Украины с Россией в Москве пройдут торжественные заседания районных Советов депутатов трудящихся и районных КПСС совместно с представителями партий, общественных организаций и учреждений Украины.

В Калининском районе торжественные заседания состоятся 17 мая. Завтрак начался в 10 часов.

по ночам, хотя прошло уже более 50 лет...

...В апрельский день 1991 года, находясь за столом переговоров в Гетеборге, где закупал для нашего советско-американского СП автомобиля «Вольво», я механически слушал работающее радио. И вдруг два слова по-английски — Михаил Месхи и died — скончался — прозвучали как гром среди ясного неба. Потом, это мне уже рассказывал коллега, я просто застыл, и по лицу покатились слезы. Никто не понимал, что происходит, появился врач в белом халате, но я объяснил, что это не лечится — медицина здесь, увы, бессильна...

Но вернемся в тот мартовский день. Закончилась игра, я не вставал со стульчика, все радовались, внук успокоился, но почему-то подозрительно долго молчит. А я задумался, смогу ли когда-нибудь повторить на газоне то, что делал ставший в мгновение моим кумиром Месхи. Через два дня под руку с моим дедом Гришей я прогуливался по знаменитому проспекту Руставели, когда услышал призывной гортанный клич продавца с классическим тбилисским акцентом: «Программа футбола, программа футбола». Оказалось, что накануне игры по всему городу и потом на стадионе перед ее началом про-

дают программки с составами команд и другой интересной информацией, подогревающей интерес к предстоящему состязанию. Через пару минут к моему большому удовольствию программа оказалась у меня в руках, но дальше одно разочарование — читать я еще не умел. В тот же вечер дедушка зачитывал мне двусторонний цветной буклет — я слушал не отрываясь. Уже зная мой интерес, дед сообщил, что Михаил Месхи будет играть. Восторгу не было предела. В этот момент мне очень захотелось научиться читать. Честно признаюсь, и по сей день, если мне в голову что-то втемяшилось — я очень настойчив, порой не в меру, и редко отступаю перед целью. И вот с той минуты, кто бы к нам ни зашел, где бы я ни был — на улице, дома, в магазине — я всех настойчиво просил показать буквы и их произношение. Надоел всем до ужаса, мягко говоря. Я потерял покой и сон, но впереди маячила желанная цель — во что бы то ни стало научиться читать программки футбола. Остальное не интересовало вообще. Все удивлялись, что я стал спокойней и чаще брал в руки книги и газеты, но ни до кого не доходило — для чего. К своему удовольствию, я очень быстро шел вперед, складывая в слова отдельные буквы и слоги, приближаясь тем самым к своей заветной цели. Мной по суще-

ству овладел образовательный психоз. В одно прекрасное утро, а было это в начале мая того же 1962 года, дней через 40 после того, как я начал свой путь к покорению заветной вершины, взяв в руки газету, я совершенно неожиданно в какой-то момент начал читать... Бегло читать вслух! Сначала на это никто не обратил внимания — как обычно, все занимались своими делами, но к вечеру дедушка вдруг подошел, прислушался, и обращаясь ко мне, с нескрываемой радостью произнес: «Ты что, читаешь?!» Мне никогда не забыть выражение его лица, он просто не мог в это поверить, но реальность была перед глазами — я бегло и без запинки читал. Как ни правдоподобно это выглядит, я читал так же быстро, как и сегодня, спустя более чем 50 лет. У нас очень часто бывали знакомые, друзья, парадная дверь практически не закрывалась, и вскоре по всему дому, двору и родственникам разнеслась невероятная весть — в свои пять лет Сергей свободно читает.

После того, как я уже сто раз вслух прочитал перед всеми футбольную программку, наглядно подтверждая разнесшийся слух, к делу подключилась моя бабушка. Принципиальная коммунистка, она до своего последнего дня в возрасте 93 лет была убеждена, что коммунизм все равно по-

Георгий Сичинава, Слава Метревели, Пеле, Анзор Кавказашвили, Миша Месхи

бедит во всем мире. Партийная газета «Правда» всегда лежала у нас на самом видном месте. «А ну-ка, почитай вот это!» — с этими словами она вручила мне газету, указав на подвальную статью номера, которая была заполнена пропагандой, чего я, естественно, не знал.

Ничего не подозревая, я начал зачитывать редакционный материал. Бабушка смотрела на меня восхищенными глазами. На следующий день у нас собрались ее однопартийцы, в преддверии печально известного надвигавшегося Карибского кризиса обсуждавшие очередные козни проклятых американских империалистов во главе с «ястребом» — тогдашним министром обороны Робертом Макнамарой и проклятым НАТО. В разгар обсуждения я подошел к столу. Неожиданно бабушка протянула мне очередной номер «Правды» со словами: «Прочти!» Я бойко приступил к «работе», через мгновение за столом установилась полнейшая тишина — все слушали меня. Им, видимо, казалось просто невозможным проис-

ходящее — кто-то, от горшка два вершка, читает громко такую серьезную статью. Потом все зааплодировали. Один из присутствующих, если мне не изменяет память, Карло Бухникашвили, подошел ко мне и со словами: «Где ты научился читать? Растет, растет наша смена!» — расцеловал меня. Я по малолетству отреагировал не совсем идейно: «Хотел сам читать программу футбола». И добавил уже со знанием дела: «Я должен всегда точно знать, будет ли играть Михаил Месхи». Победит ли коммунизм во всем мире, я не задумывался, так как не имел о нем никакого понятия. Все были, как в рассказах Чехова, приятно взволнованы и возбуждены, особенно бабушка. Результат был налицо: благодаря Гению Великого игрока и Великой игре мне удалось самостоятельно в течение месяца научиться читать.

...Размышляя в наши дни о том, смог бы я сегодня совершить что-либо подобное, могу честно признаться: нет, голова уже плохо работает, да и энер-

гии с тех времен и стимулов побуждалось для таких подвигов...

Май 1962 года. После моего «дебюта» на своеобразном партийном собрании мы с бабушкой, как обычно, направились на знаменитый Солдатский рынок, который в наши дни стихия рыночных времен, к сожалению, уничтожила. Надо сказать, что бабушка умела искусно торговаться еще со своих детских лет, так как была из бедной семьи. Неторопливо прогуливались мы по рядам, покупая все необходимое, когда нашла коса на камень. Очередной продавец ни на копейку не соглашался снизить цену. Мы уже собирались отойти, как вдруг бабушка выразительно посмотрев на меня, попросила продавца дать мне лежавшую перед ним газету «Зарю Востока». Я, еще не понимая, что партия начала меня «эксплуатировать», стал бойко читать первую страницу. Продавец напрягся и замер, ему казалось невозможным и несовместимым сочетание чумазого худенького мальчишки в трусах без майки и

текста, который он читал. Через пару минут вокруг собрались люди, их становилось все больше – все слушали, разинув рот. С того дня прошли десятки лет, но до сих пор помню выражение их лиц – казалось, на это время утих и обычный базарный гул вокруг. Я победоносно оглядел присутствующих – это была победа, притом безоговорочная, как говорят, с крупным счетом. В результате в тот день с рынка мы уехали на такси с неподъемной ношей – так много фруктов и овощей подарили продавцы.

...В июне 1991 года на защите своей диссертации в Институте США и Канады в Москве, стоя на кафедре перед членами Ученого Совета, слушавшими мой вступительный доклад, подосознательно через долгие годы вспомнились лица именно тех людей, которые внимали мне тогда на рынке... И в этот день меня тоже признали – защита прошла в штатном режиме, без единого черного шара...

Через пару дней мы снова пришли на рынок, уже целенаправленно бабушка взяла с собой свежий номер «Правды». Кто работает хорошо, того всегда нагружают работой, независимо от правящей власти! Ничего не меняется. В этот раз мне была уготована роль штатного политинформатора. Встав на деревянный ящик, я, под одобрительный взгляд бабушки и улыбающиеся лица продавцов, зачитывал статью о голодающих детях Африки и очередных происках империалистов, набивающих себе карманы. Мне тогда, честно говоря, казалось, что много денег в карман не положишь. Более того, я всегда ориентировался на мелочь, время от времени попадавшей в мой небольшой карман, которая быстро его переполняла. Я в очередной раз почувствовал себя триумфатором.

Вот так я преодолел путь от полной безграмотности до сознательного, умеющего читать гражданина, помогая, сам того не осознавая, коммунистической идее овладеть трудящимися массами.

Иными словами, в пятилетнем возрасте я продвигал в

Финт Месхи

массы коммунистическую идеологию и помогал семье, получая, как сейчас говорят, скидки и подарки в виде овощей и фруктов за работу политинформатора, одновременно пропагандируя футбол – государственный вид спорта. То есть я работаю с пяти лет! И вынужден признать, что все мои последующие достижения с точки зрения государственного и личного интереса явно уступают моим же в детском возрасте – такова реальность. Выводы налицо.

...Осенью 2013 года я был наблюдателем от российской прессы на президентских выборах в Грузии. Меня принимал в здании Федерации футбола Грузии знаменитый игрок, капитан тбилисского «Динамо» и сборной СССР 70-80-х годов Александр Чивадзе. Вдруг что-то пронзило меня – я увидел в зале огромную фотографию незабвенного Михаила Месхи и его визави – очередного «клоуна». Невольно напросилась мысль о том, что мастерство, как и здоровье, независимо от эпохи и времени, купить нельзя.

Нельзя не добавить, что Михаил Месхи был еще игроком сборной мира. В 1963 году он

был приглашен знаменитым тренером Рикардо Риейра в состав руководимой им сборной ФИФА, которая должна была сразиться в матче, посвященном столетию английского футбола, со сборной Англии на легендарном стадионе Уэмбли. Однако наша федерация футбола под предлогом того, что игрок якобы не в форме, отказалась командировать его на игру. Михаил Месхи, будучи самобытным, неподражаемым игроком, находился в постоянном конфликте со всем футбольным окружением, да и за пределами поля тоже – такова участь людей, опережающих свое время во все эпохи.

Посещая в наши дни матчи на культовых футбольных аренах мира, я невольно пытаюсь найти футболиста, похожего по манере игры на Михаила Месхи, но, увы, пока безрезультатно. Успокаивает лишь то, что и вторую Мону Лизу никому еще не удалось написать...

P.S. В том, что я решился изложить, нет ни одного слова домысла. Все – чистая правда. Какой бы неправдоподобной она вам ни казалась...

Портреты князей Джакели. Монастырь Сапара

ОТ РАННЕГО ГРУЗИНСКОГО ПОРТРЕТА ДО ПИРОСМАНИ

■ **Ирина ДЗУЦОВА**

Мои давние впечатления от ранних грузинских станковых портретов и творчества Нико Пиросмани со временем совместились в одну плоскость профессионального интереса. Оба явления магнетически притягивают и порождают вопросы. Разделенные веками, отмеченные свойственными столь разным эпохам мышлением и художественными приемами, мировосприятием художников, два эти явления грузинской культуры тем не менее соединены невидимыми нитями

преемственности.

Искусство раннего станкового портрета никак не связано с жизнью грузинского общества: писались исключительно портреты царя и его окружения. Художник следовал требованиям венценосца, будучи в определенной степени зависимым в своем творчестве, но по мере возможности вырывался из рамок требований заказчика. Царь, несомненно, оставался доволен своим изображением: портрет был новым и редким видом искусства. Художники-портретисты выполняли социальную функцию — ведь созданием портретов они

способствовали утверждению роли и места верховного правителя в жизни народа.

И ранние грузинские портреты, и портреты кисти Пиросмани — это рассказ о человеке в соотношении с миром. Между ними — века. После них пройдут века. А они остаются диалогичными, перекликаются, «разговаривают» друг с другом посредством некоей генетической связи. Они — воспоминания о прошлом, но как они актуальны, несмотря на смену эпох и нравов.

Если ранние станковые портреты предназначались для царских покоев (а позже — для

домов состоятельных горожан и феодальной знати), портреты Пиросмани, за несколькими исключениями, писались для духов. Таким образом, они предназначались для широкой публики: завсегдатаев и посетителей духанов, прохожих... Портреты как бы становились участниками застольного общения и создавали определенную психологическую атмосферу – погруженности в историю. Пиросмани также работал на заказчика, сюжет регламентировался, зачастую между художником и заказчиком возникали конфликты. Однако важный аспект: оба принадлежали к одному и тому же социальному слою.

В ранних грузинских портретах экспонируется прошлое, духовное и неизбежно идеализированное. Диалог с этими полотнами необходим нам, потомкам. Мы находим в прошлом ключи к пониманию настоящего. Художники прошлых веков и Пиросмани обогнали само время, обогнали пространство, вошли в генетический код народа, стали для него своеобразным «портом приписки».

Всего лишь один век – девятнадцатый – понадобился грузинской живописи, чтобы пройти путь от Средневековья (фреска, икона, миниатюра) до портретного искусства Нового времени (конечно, не без плодотворного влияния европейских и русских образцов), с его эстетическими канонами. При этом грузинские портретисты стремились сохранить национальные особенности, оставались верны корням. Каковы источники вдохновения Пиросмани? Несомненно, ему были знакомы памятники грузинской монументальной живописи, образцы тифлисского станкового портрета XVII-XIX вв. Он, конечно, черпал вдохновение и в книжных иллюстрациях, и в литографии, и в фотографии, и в персидском портрете Каджарской эпохи, и в миниатюре... Есть основания полагать, что Пиросмани имел возможность видеть образцы живописи тифлисской портретной школы в домах состоятельных горожан и в книжных магазинах, где продавались гравюры со старых портретов.

Его зоркое внутреннее зрение и острая восприимчивость, свой-

Портрет Вахтанга VI 1709 года из книги, напечатанной в грузинской типографии

ственные людям неординарным, живущим по своим собственным эстетическим нормам, позволили ему гармонично соединить в своем искусстве формы станковой живописи и народного грузинского творчества. Средневековые мастера писали масштабные фрески на больших стенах. Пиросмани писал картины больших размеров для тесных духанов. Но ведь он прекрасно владел пространством, построением композиции, соразмерностью ее элементов. Он умел синтезировать монументальное и станковое искусство. Как замечал художник Георгий Якулов, «Пиросманавили – эпически монументальный художник» (Е. Костина. «Георгий Якулов»).

Пиросмани писал человека в полный рост: таким он родился, он – целый человек. В его портретах нет надуманных или утрированных поз, мимики, жестов. Человек у Пиросмани спокоен и сосредоточен, несуетен. Волей художника он предстает.

Портреты Пиросмани несут отпечаток национального. Так, заморской диве – актрисе Маргарите – он придал черты ортачальских красавиц. При этом, тщательно выписав черты лица, применив светлые тона, художник облагородил ее, одетую в вульгарный по тифлиским меркам наряд и зарабатывающую столь же вульгарным ремеслом. Она целомудренная и грустная. Так же Пиромани писал и падших ортачальских красавиц,

Цилканская икона Божьей Матери

«очищая» их изображением цветов и птичек.

В его портретах – своя оригинальная композиционная структура и иконография, с явным предпочтением фронтального изображения (как в царских портретах или на иконах). В руках модели всегда держат предмет, указывающий на род занятий: шарманка, поварешка, рог, кувшин, метла...

Модели – в основном люди низшего сословия: дворник, рыбак, повар, духанщик... Образы – абсолютно достоверны и жизненно правдивы: «Портрет Ладо Кавсадзе», «Дворник», «Рыбак», «Портрет Александра Гаранова», «Портрет железнодорожника» (Миша Метехели), «Муша Сосо» и др. Создавая образы своих современников, Пиросмани представляет их нам в длительном времени, выводит их из мимолетного и суетного. И, в отличие от авторов ранних грузинских портретов, анонимов, Пиросмани подписывал свои работы.

Один из первооткрывателей и первый биограф Пиросмани, писатель и теоретик искусства Илья Зданевич в 1913 г. записал в своем дневнике встреч с художником подготовительные вопросы для беседы с ним. Среди них есть и такие: «Что преследует портрет? Только ли внешнее сходство или некий символ?». И далее: «Значение преимущен-

ности от старого и сознает ли ее у себя?». И. Зданевич сразу уловил, что Пиросмани, портретам которого свойственна статичность и застылость образов, вдохновляли фреска, икона и ранние грузинские портреты. На этой плодотворной почве Пиросмани, мастер мыслящий, живописец-философ создал свою художественную систему. Формой художественного осмысления его творчество уходило в далекое прошлое, одновременно обогащаясь новыми смыслами. Статуарность, закрытость внутреннего мира модели, ее психологическая сосредоточенность, торжественное спокойствие, отстраненность – эти характерные черты раннего грузинского портрета находим и в творчестве Пиросмани.

В дневнике И. Зданевича при-

диалога со зрителем. Коммуникативная функция портретов становится более значимой, их художественный и лексический строй – единый речевой поток. В этом единстве – смысловой стержень портретов, и это роднит портреты Пиросмани с иконой, фреской, лубком и гравюрой, характеризующихся особой семантической системой. Надписи, сделанные Пиросмани, с характерной каллиграфией и орфографией доносят до нас его голос и воспринимаются как составная часть общего композиционного строя, часть послания художника зрителю.

Ранние грузинские портреты и портреты кисти Пиросмани являются как бы фрагментами единого группового портрета, частями целого, а именно – истории народа, запечатленной в лицах. И те анонимные мастера, и Пирос-

Н. Пиросмани. Дворник

Н. Пиросмани. Рыбак в красной рубашке

веден список найденных им в духанах работ Пиросмани, и среди них – 38 портретов горожан. Некоторые из них не только подписаны художником, но сопровождаются названием сюжетов. Использование надписей – форма

мани писали «такими, какими видели, с натуры, по памяти, писали разных, разного общественного положения людей» (К. Симонов. «О Николае Пиросманашвили»).

ШТУРМАН

Торнике Глonti служит театру почти 30 лет. Он пришел в театр еще 16-летним юношей, когда начал работать ассистентом у Автандила Варсимашвили. Затем все пошло, казалось бы, по очевидной закономерности: режиссерский факультет Тбилисского университета театра и кино, первые спектакли: интересные, успешные, заразные – «Медведь» А. Чехова» и «Провинциальные анекдоты» А. Вампилова. Были и потрясающие задумки, в том числе – «Маленький Принц» Сент-Экзюпери...

И тут Торнике, не изменив вектор своей деятельности – служить театру, изменил ее форму. Помогая А. Варсимашвили в создании «Театрального подвала», а позднее – «Свободного театра», он становится директором «Свободного» с первого дня его существования и заместителем директора в Грибоедовском (и остается им – еще одна круглая дата! – уже на протяжении 20 лет).

Театр в лице Торнике Глonti, увы, лишился замечательного режиссера. Но обрел прекрасного менеджера, можно сказать – штурмана. И сегодня

для Торнике в сложном деле театрального администрирования, в котором он многому научился от директора театра им. А.С. Грибоедова Николая Свентицкого, нет «белых пятен» или неразрешимых проблем. Любой вопрос, вне зависимости от его масштаба, решается быстро, профессионально и качественно, будь то техническое обеспечение спектаклей, организация гастролей или такой, например, значительный проект как I Батумский Международный театральный фестиваль, на котором Торнике блестяще отработал в качестве директора. Знаете, ни одно судно не выйдет в море без капитана. Но ни один капитан не справится со своей работой без штурмана...

И, наконец, невозможно не добавить, что в театре становится светлее, когда Торнике улыбается своей доброй улыбкой, теплее, когда он обращается к вам с приветливым словом, веселее и спокойнее, когда слышится пение птиц (самых настоящих!) из его кабинета...

От всей души поздравляем Торнике Глonti с 45-летием!

Счастья, радости, благополучия! И пусть мечты сбываются!

Владилина Белоусова-Фомина

Владимир Белоусов

ЕСЛИ БЫ СОБРАТЬ ЦВЕТЫ ВСЕГО МИРА...

Владилина Белоусова-Фомина, вдова гражданского авиатора Владимира Белоусова, с первых дней существования журнала «Русский клуб» – наш верный читатель и частый гость редакции. Мы никогда не отпускаем ее без беседы, ведь Владилина – настоящая кладь удивительных историй...

Сама она уже более полувека – с 1961 года – заведует библиотекой Тбилисского аэропорта. Удивительная женщина с огромной силой воли и чувством долга, энтузиаст своего дела и большой альтруист. Достаточно сказать, что в смутные 90-е она оставалась на посту библиотекаря, представьте себе, на волонтерских началах – и это, ни много ни мало, в течение десяти лет.

Мать Владилины поднимала систему ликбеза в селе Ивановка (ныне Эретискари) в Лагодехском районе. Преподавала 50 лет. Отец был преподавателем истории в старших классах местной школы, затем – директором. Когда началась Великая Отечественная война, он хотел пойти на фронт добровольцем, но ему

отказали по состоянию здоровья.

Владилина с сестрой пошли по родительским стопам – окончили Тбилисский педагогический институт имени Пушкина. А Владилина еще и успешно выступала за сборную Грузии по велоспорту.

С мужем Владимиром она была знакома с первого класса: сидели за одной партой, шли по жизни рука об руку, воспитали трех сыновей.

Владилина рассказала интересный случай из детства своего мужа. В 13 километрах от их поселка находился Цнорский аэродром. В один прекрасный день Володя Белоусов на попутках добрался до летного поля – в одиночку. А дома тем временем случился переполох – куда подевался ребенок? Ох, и хорошую же трепку получил он тогда от отца! Но в течение нескольких дней держал не разжимая кулак – не хотел расставаться с магическим запахом бензина с аэродрома... И его мечта о полетах стала реальностью. В 1960 году Белоусов окончил с отличием Сасовское летное училище и был

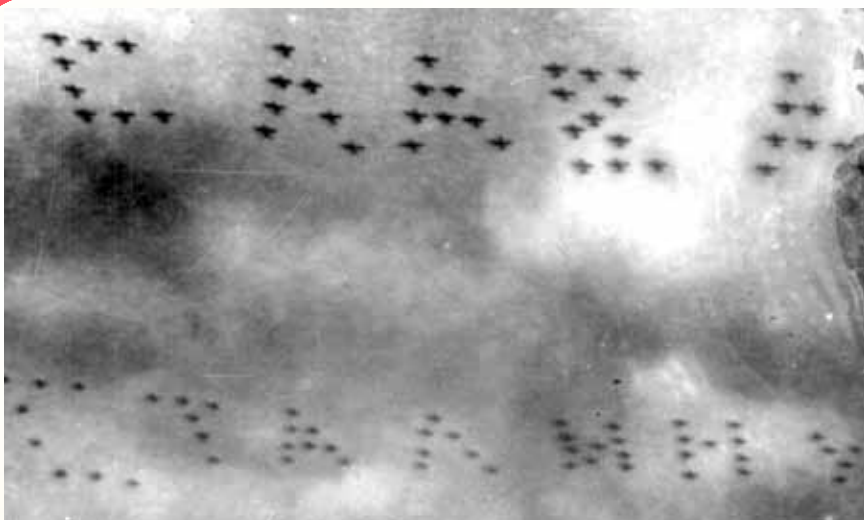
направлен с группой других курсантов на службу в Тбилисский аэропорт. На его счету было около 1000 часов самостоятельных «налетов» на Як-12, в том числе и ночных, что считалось особенно ценным. В Грузии в тот период осваивали вертолеты, и Владимира направили на переучивание. Он летал на Ми-1, Ми-2, переучился на Ми-4. После перешел на Ил-14, был командиром экипажа. Затем летал на Ту-124, Ту-134 и Ту-154, был пилотом-инструктором высшего класса.

Владилина Белоусова предложила нашему журналу новую тему. «Вы часто пишете о военных летчиках, – заметила она, – но почти никогда – о гражданских авиаторах. А ведь они внесли не меньший вклад в дело победы над фашизмом».

Мы сочли замечание совершенно справедливым и обратились, по совету Владилины, к книге известной журналистки и писательницы, участницы ВОВ Майи Немировой «Сквозь годы на крыльях», написанной в соавторстве с Юрием Авалиани и изданной в 1973 году в Тбилиси.

В этом номере мы публикуем главу, в которой рассказывается о наших землячках – героинях гражданской и военной авиации.

«Если бы мы могли собрать цветы всего мира и положить их к вашим ногам, то и этим мы не смогли бы выразить своего вос-

«Слава Сталину» – надпись, сделанная выстроеными в небе самолетами

хищения вашими летчицами...»

Эти слова были сказаны от полноты сердца полковником Коффо, летчиком французского полка Нормандия-Неман, – человеком, знавшим, что такое военное небо, борьба с врагом в облаках, где каждое мгновение требует от летчика беспримерного напряжения сил, отваги, находчивости, героизма.

Все цветы мира... Если бы удалось их собрать, их было бы мало, чтобы выразить всю глубину восхищения женщиной-воином Великой Отечественной войны.

Нет слов, способных полностью выразить великий подвиг, великий труд войны, который вынесли на своих плечах женщины. Бесстрашно стали они на защиту Родины. Не было для них непроходимых дорог, недоступных высот. Презирая смерть, шли в бой плечом к плечу с мужьями, отцами, братьями. Меткий глаз женщины-снайпера не ошибался, рука летчицы твердо лежала на штурвале самолета, из шквального огня боя выносили хрупкие девушки-санинструкторы тяжело раненных бойцов с их оружием.

Женщины-героини... Известные и безвестные... Память о них – свята.

МАГУБА СЫРТЛАНОВА

Ей было 20 лет, когда в 1933 году она вместе с родителями переехала из Ташкента в Тбилиси и поступила работать на аэродром, в отряд сельхозавиации. Она мечтала стать летчицей, хотя никогда и никому не говорила о

своей мечте. Безропотно выполняла Магуба нелегкую, совсем не женскую работу авиамоториста, с которой и парню справиться не просто. Сколько раз, бывало, при запуске пропеллера его лопасть больно ударяла по рукам. Магуба не жаловалась, скрывая боль, уходила подальше от всех и втихомолку утирала горячие слезы, размазывая по лицу грязь и солянку.

Магуба проработала мотористкой целых два года. За это время она изучила устройство и конструкцию самолета, и сама с успехом могла произвести любой ремонт.

Летчикам казалось, что эта тихая скромная девушка существует специально для того, чтобы запускать моторы их самолетов, пока конструкторы не придумают какого-нибудь автоматического механизма. Каково же было их удивление, когда они узнали, что она записалась в летную школу аэроклуба!

Блестяще закончив обучение, Магуба осталась при аэроклубе летчиком-инструктором. В первые месяцы Великой Отечественной войны, когда на базе грузинских аэроклубов была сформирована авиационная школа первоначального обучения, Магуба командовала авиазвеном, готовила летчиков для фронта. И сама стремилась на фронт.

В декабре 1942 года Магуба Сыртланова сменила учебный самолет на боевой бомбар-

Магуба Сыртланова

дировщик – она была направлена в 46-ой авиаполк, который позже получил наименование 43-го Гвардейского ночного бомбардировочного авиационного ордена Суворова 3-й степени полка. Полком командовала Герой Советского Союза Евдокия Бершанская.

Всех боевых вылетов, совершенных отважной летчицей, не описать. Совершала по семь-восемь вылетов за ночь в сложных метеорологических и природных условиях.

Вместе со своим легендарным полком Магуба участвовала в боях на Северном Кавказе,

Тамани и Крыму, в Белоруссии, Польше, Восточной Пруссии и Германии.

«Как летчик имеет большой опыт летной работы, — записала в боевой характеристике Магубы Сыртлановой командир ее полка гвардии подполковник Бершанская. — Техника пилотирования отличная. Летать очень любит и боевые задания выполняет при любых сложных метеоусловиях. Летает смело, спокойно держит себя при попадании в зенитный обстрел и прожектора противника, ее боевая работа служит примером не только для личного состава эскадрильи, но и для всего личного состава полка».

За отвагу и героизм, проявленные в боях с немецкими захватчиками в Великой Отечественной войне, Магубе Сыртлановой было присвоено звание Героя Советского Союза, она была награждена двумя орденами Красного Знамени, орденом Отечественной войны и орденом Красной Звезды.

После войны боевая летчица Сыртланова вновь села за штурвал гражданского самолета. Зимой 1945 года она была зачислена командиром звена в отряд спецприменения Грузинского территориального управления ГВФ. Теперь она «бомбила» живую силу врага полей, садов, огородов — уничтожала саранчу и малярийного комара. Это была такая же важная, серьезная, боевая работа, как работа на фрон-

Тамара Мелашвили

Ли-2 — самолет-эпоха

те, потому что она была нужна людям.

ТАМАРА МЕЛАШВИЛИ

Это был самый обычный летний день, но Тамаре Мелашвили он запомнился на всю жизнь.

Нещадно палило июльское солнце, и Тамара вместе со своей подружкой, отыскав в городском саду тенистую скамейку под развесистой липой, уселись на нее и принялись горячо обсуждать свои школьные дела. Гул самолета, пролетавшего так низко, что казалось он вот-вот заденет макушки деревьев, заглушил их слова. Вскинув головы, девочки провожали самолет широко раскрытыми глазами, словно это было заморское чудо. Самолет скрылся в облаках. Но Тамара продолжала сидеть неподвижно. Вдруг, словно очнувшись, она сказала: «Я тоже буду летать!»

И она стала летать! Правда, в авиацию она пришла не сразу. Родители и слышать хотели об этом увлечении дочери.

Окончив в Орджоникидзе техникум, Тамара приехала в Тбилиси, начала работать в Публичной библиотеке классификатором. Три года провела она в мире книг. И, кажется, ни одной книги об авиации не оставила непрочитанной.

В 1937 году в Тбилисском

аэроклубе Тамара обрела свои первые крылья. Ей тогда было чуть более двадцати. Немало было неудач и огорчений прежде, чем она впервые поднялась в небо. Полет несложный: правильно оторваться от земли, сделать «коробочку» и приземлиться у посадочного «Т». «Вы будете настоящей летчицей», — сказал ей строгий и требовательный инструктор.

Тамара Мелашвили поступила в Батайскую школу Гражданского воздушного флота. Окончила ее на «отлично» и с 1940 года стала водить тяжелые четырехмоторные самолеты по воздушным трассам страны.

Когда началась Великая Отечественная война, Тамара подала заявление в военкомат с просьбой направить ее на фронт. Ей ответили: ваша работа в тылу не менее важна, чем на фронте. Но летчица все же добилась своего. В конце 1943 года ее переучили на командира По-2 (он же У-2) и направили в 125-й Гвардейский Борисовский ордена «Суворова» и «Кутузова» бомбардировочный полк имени Героя Советского Союза Марины Расковой.

Ратный путь гвардии младшего лейтенанта Тамары Давыдовны Мелашвили был оценен по заслугам: орден Красного Знамени, боевые медали и нагрудный знак «Гвардия».

Отгремела война. В строи

мирных самолетов возвратились машины, возившие взрывчатку и боеприпасы. За штурвал самолета Ли-2 села и летчица Тамара Мелашвили. Она стала первым командиром воздушного корабля среди летчиц-грузинок.

Не раз приходилось ей попадать в сложные ситуации. Как-то в 55 километрах от Ростова загорелся один из моторов. Работая на полтора моторах, Тамара Давыдовна посадила машину на Ростовском аэродроме. Приказ пассажирам был коротким: прыгать на землю, не дожидаясь трапа, каждую минуту могли взорваться бензобаки. В таких случаях командир корабля сходит на землю последним. «Долго упрашивать пассажиров мне не пришлось, — вспоминала Тамара Давыдовна, — на землю они посыпались как горох. Только один ни за что не хотел покинуть самолета. «Выходите!» — кричу. Отвечает: «Не могу». «Самолет может взорваться, выходите немедленно, мы же сгорим!» А он вцепился руками в спинку кресла и твердит свое: «Не могу, поймите! Я Горелов, инспектор ГУГВФ, в багажнике чемодан, в нем акты и...» У меня не было никакого желания стать «горелой» и, недослушав инспектора, я схватила его за плечи и вытолкнула из самолета. В ту минуту было не до смеха. Ну, а потом, когда мы отбежали на безопасное расстояние и пожарные благополучно погасили горевший мотор, мы посмеялись с инспектором Гореловым от души».

А вот — еще одно воспоминание: «Шли мы как-то из Тбилиси в Москву с посадкой в Харькове, где нам предстояла заправка. А Харьковский аэродром вдруг закрылся туманом, да таким плотным, что ни зги не видно. Что делать? Бензина до Москвы не хватит, выход один — садиться. Делаем несколько заходов — земли нет. Положение с горючим критическое. Харьковский диспетчер растерялся, кричит: «Посадку на аэродроме запрещаю, на поле полно самолетов, перебьете их или врежетесь в вокзал! Следуйте любым курсом и делайте, что хотите!» В переводе на обычный язык это означает: катитесь к чертовой матери и разбивайтесь где угодно, только не на аэродроме. Но мы решили, если

Штурман Людмила Попова, пилот Ирина Осадзе, стрелок-радист Таисия Панферова

уж разбиваться, то на аэродроме как-то веселее. Отодвинув стекло, я высунулась, надеясь разглядеть хоть смутные очертания земли. Мороз клещами больно сдавлив голову, ветер вцепился в волосы и стал трепать их с такой силой, словно хотел вырвать с корнем. Долго потом я даже причесаться не могла. Но землю тогда я все же разглядела. И самолет посадила. Правда, рядом с полосой. В диспетчерской летчики удивлялись: как ты села, мы, мужчины, и то не смогли бы. И что они удивлялись? Разве я — не летчик?»

Восемнадцать лет водила самолеты Тамара Мелашвили по трассам страны. 9160 часов безаварийного налета, из них более 800 — ночью. Редкий день не уходила в полет эта скромная женщина с энергичным лицом и добрыми веселыми глазами. Да, трудно расставаться с небом. Но и на земле можно «водить» самолеты! В 1958 году, когда в Грузинское Управление прибыла новая скоростная техника и потребовались высококвалифицированные диспетчеры и руководители полетов, эту работу поручили Тамаре Давыдовне. И в каждом полете грузинских летчиков была и есть частичка ее труда, ее бесстрашного, благородного, умного сердца.

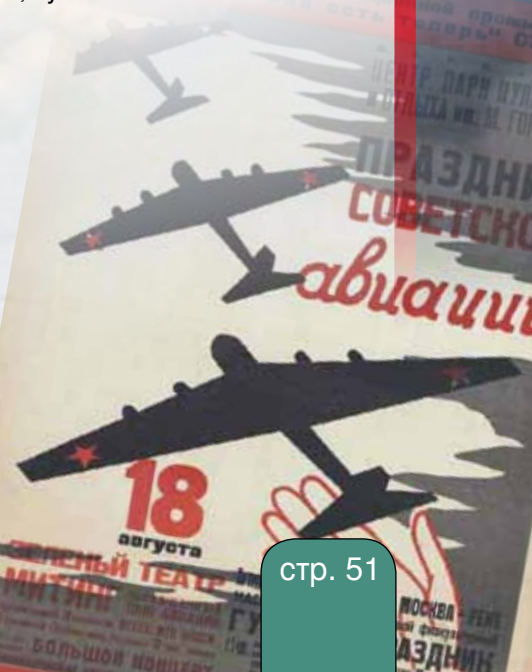
ИРИНА ОСАДЗЕ

Долгое время она не могла решить, чему посвятить свою жизнь — морю или небу. В восемнадцать лет Ира стала водо-

лазом.

В семье Сергея Ростомовича Осадзе не могли смириться с мыслью: дочка — водолаз! А тут пришло новое увлечение — небо! Не оставляя опасной работы водолаза, Ирина заканчивает аэроклуб. С 1940 года профессия летчика становится делом всей ее жизни. Небо захватило ее полностью и навсегда. Когда началась Отечественная война, Ирина потребовала, чтобы ее немедленно отправили на фронт. Требовала, а не просила.

«В женский авиационный полк имени Расковой, — рассказывала однополчанка Осадзе Герой Советского Союза Галина Маркова, — Ира пришла в начале его формирования. У нее тогда был небольшой налет часов, и ей трудно было равняться с опытными летчицами, летавших на многих типах самолетов. Отбор проводился строго. Для того, чтобы летать на таком самолете, как пикирующий бомбардировщик Пе-2, нужен был опыт. У нее опы-

та не хватало, зато были характер и чутье летчика, которое дается не каждому. После трудных проверок в воздухе, в полетах, ее зачислили командиром экипажа».

После нелепой аварии на аэродроме, когда на взлете ее ударил свой же приземлявшийся в тот момент истребитель, Ирина долго лежала в госпитале. А потом ей разрешили летать только на тихоходном По-2. Это было почти крушением надежд...

На своем маленьком По-2, бывшем в звене управления полка, осенью 1942 года Ира полетела на фронт. Какие только задания не давались ей! И перевозка личного состава при перебазировании, и полеты на передовую с представителями авиации, и задания по доставке боевых документов.

Летом 1943 года она попросила командира полка разрешить ей начать тренировочные полеты на боевом Пе-2. Обычно курс переучивания летчики проходил в запасных частях далеко от фронта, но Иру знали как отличного летчика. Разрешение было дано. За всю войну в полку это был единственный случай, когда летчик на фронте, без долгих тре-

нировок вылетел самостоятельно на боевом самолете.

К осени полк начал наносить бомбовые удары по укрепленным пунктам немцев на Смоленском направлении. Каждый вылет неизменно сопровождался воздушными боями. Летчики старались держаться как можно плотнее, почти касаясь консолями крыльев, чтобы можно было обороняться общим огнем пулеметов всей группы.

14 октября, в день годовщины полка, первой эскадрилье было дано боевое задание на бомбометание по артиллерийско-минометным позициям у села Красное. Взлетев и набрав высоту, группа взяла курс на запад. Ира летела внутренним ведомым. Летчику на этом месте надо быть каждую секунду начеку и не только держаться своего командира, но и внимательно следить за эволюциями другого самолета, идущего впереди. Поднимаясь выше и выше, эскадрилья подошла к линии фронта на высоте около трех тысяч метров. Забабахали зенитки, преграждая путь. Самолет подбрасывало, кидало из стороны в сторону, но крепкие руки Иры уверенно удерживали ма-

шину на курсе. Когда эскадрилья вышла на боевой курс, она скандовала штурману: «Открыть бомболюки!» Бомбы пошли на цель. Группа с разворотом и со снижением уходила на свою территорию. Вводя самолет в разворот, Ира заметила, как на правом моторе машины ее командира Любы Губиной показался дымок. Потом дым исчез, но их звено начало терять скорость и отставать от эскадрильи. Повернувшись к штурману, Ира сказала: «Будем держаться командира, у нее с мотором неладно». Она не могла оставить своего командира в беде. С другой стороны самолет Губиной прикрывала Аня Язовская – второй ведомый летчик. Оставалось несколько минут до того момента, когда по расчетам они должны были выйти на свою территорию. И тут Валя Волкова, пристально всматриваясь в нависшие облака, крикнула Ире: «Истребители догоняют, не пойму чьи!» Немного погодя, когда в прицеле показались тонкие фюзеляжи истребителей, добавила: «Держись, Ира, немцы!» Бомбардировщики приняли этот бой. Им неоткуда было ждать помощи, они могли рассчитывать

Ремонт самолета У-2

только на свое умение, на огонь своих пулеметов. Одна атака. Вторая. Задымил и ушел Мессершмитт – Me-109. Еще атака. Загорелся и камнем пошел к земле самолет Ани Язовской. Теперь только они вдвоем с командиром отражали атаки немцев. Они вышли уже на свою территорию, но атаки не прекращались. Мимо самолета Иры понесся Me-109, а через секунду она увидела, как из прошитою очередью мотора выбивается пламя. Пламя разрасталось, охватывая фюзеляж, но Ира продолжала идти рядом с командиром, прикрывая ее огнем своих пулеметов. Она решила не покидать самолет до последней возможности. И только когда немецкие истребители, израсходовав боеприпасы, ушли, Ира, помахав горящими крыльями, словно оказывая последнюю поддержку Любе Губиной, отвернула самолет в сторону и подала команду экипажу прыгать с парашютами. Убедившись, что штурман и стрелок-радист покинули самолет, выпрыгнула сама.

Вместе с полком Ира Осадзе прошла славный боевой путь от Сталинграда до Кенигсберга. Награждена орденами Красного Знамени, Красной Звезды, Отечественной войны и многими медалями.

Когда пришел День Победы, у нее не было раздумий и размышлений о выборе дальнейшего пути. Только летать! И после демобилизации она пошла работать в Гражданский воздушный флот, на кавказские линии. Летала командиром корабля Ли-2, Си-47,

Ил-14. На ее счету более пяти миллионов километров воздушных трасс. К боевым наградам прибавилась награда мирных дней – орден «Знак почета».

МАРИЯ КУЛЬКИНА

Жила на свете девушка. Ей было восемнадцать лет. Она любила смех, песни, хороших людей. Но больше всего любила небо. С ранней юности она упорно шла к своей заветной цели. Училась летать и овладела самолетом в совершенстве. Крылья самолета словно росли из ее сердца. А сердце у девушки было смелое, мужественное, глубокое.

Все в короткой жизни этой девушки шло по большому счету. Но жизнь постоянно испытывала ее на выносливость и выдержку.

Смерть отняла у нее любимого первенца. Война отняла у нее мужа – летчик Сергей Псарев погиб весной 1942-го года, защищая небо Москвы.

Мария добилась отправки в действующую армию. 12 декабря 1942 года ее призвали в ряды Красной Армии и 8 февраля 1943 года назначили пилотом 145-й отдельной эскадрильи связи Закавказского фронта. С 26 мая по 25 сентября 1943 года она произвела 523 вылета с общим налетом 200 часов по обеспечению работоспособности частей дивизии. Делала по 12-15 вылетов в день. В сентябре 1943 года была награждена орденом Красной Звезды. В декабре 1943 года

Мария Кулькина

был подписан приказ о переводе младшего лейтенанта М.И. Кулькиной в 267-й истребительный авиационный полк.

Мария Кулькина погибла 20 мая 1944 года. В воздушном бою над долиной Тамашлык она грудью своего самолета прикрывала командира. Ее «Як» пронзила пулеметная очередь. Мессершмитты набросились на подбитую машину. Самолет вспыхнул...

Марии было двадцать пять лет. Одного года не дожила она до Победы.

Она погибла в мае, в цветущую пору весны, когда наливаются живым благоуханием те самые цветы, которые с таким восхищением желал бы положить к ногам летчиц французский летчик из полка Нормандия-Неман.

«ПОЭЗИЯ – ПРЕЖДЕ ВСЕГО»

В театре им. А.С. Грибоедова прошла презентация двухтомного издания «Антология грузинской поэзии», в которое вошли русские переводы поэтов Грузии, создававших свои произведения на грузинском, абхазском и осетинском языках, а также избранная оригинальная русская поэзия Грузии. Двухтомник охватывает вековой период – с 1919-го по 2019 год. Проект осуществлен издательством «Librika». Деятельное участие в создании «Антологии» принял «Русский клуб».

Поводом для издания послужила знаменательная дата – 100-летие Союза писателей Грузии. Однако эти два тома, уже изданные, больше двух лет ждали часа, чтобы выйти к читателю... Тираж прибыл в Тбилиси в конце февраля 2020 года, а презентация должна была состояться в марте. И тут началась пандемия... А когда она наконец-то пошла на спад, грянул 24 февраля.

И все-таки поэтический праздник состоялся!

Подспорьем стали заветные слова Галактиона Табидзе, переведенные Беллой Ахмадулиной:

О друзья, лишь поэзия прежде, чем вы,
прежде времени, прежде меня самого,
прежде первой любви, прежде первой травы,
прежде первого снега и прежде всего...

И строки Андрея Вознесенского, то и дело звучавшие в уме, тоже сыграли свою роль:

Почему два великих народа
холодеют на грани войны,
под непрочным шатром кислорода?
Люди дружат, а страны – увь...
Две страны, две ладони тяжелые,
предназначенные любви,
охватившие в ужасе голову
черт-те что натворившей Земли!

Вечер открылся театрализованным представлением в постановке режиссера Левона Узуняна с участием артистов театра им. А.С. Грибоедова Луки Джишкарони, Нино Кикачишвили, Анны Николава, Дмитрия Спорышева, а также (конечно, посредством экрана) учащихся московской школы-студии «ДЕТИКИНО» (основатели и руководители – Михаил Сафронов и Дарья Храмцова). Собравшихся приветствовала автор идеи «Антологии», председатель Союза писателей Грузии Маквала Гонашвили. Она сообщила о том, что генеральный директор издательства «Librika», руководитель проекта «Антология грузинской поэзии» удостоен почетного звания «ქართული კულტურის ამბავდარი» – «Радетель грузинской культуры».

На презентации выступили: президент Общества Руставели Грузии Давид Шемокмедели; журналист, литератор Владимир Головин; поэт, художник Михаил Ляшенко; ведущий актер Грибоедовского театра, режиссер, поэт Валерий Харютченко.

И, пожалуй, стоит добавить, что главным символом вечера стал «персонаж», выведенный на сцену Левонам Узуняном, – «Древо желания», увешанное разноцветными ленточками-желаниями. Наверное, все участники – и московские подростки, протягивавшие нам с экрана свои ленточки, и артисты, завязывавшие свои на грибоедовском дереве, – мысленно произносили одни и те же слова: «Всем – мира и любви!» А какие другие желания можно загадывать сегодня, правда? Так пусть они сбудутся! И пусть прекрасная поэзия всегда будет нам в помощь и в утешение!

На стадионе «Батуми Арена» сборная Грузии по регби со счетом 28:19 одержала историческую победу в матче со сборной Италии, сделав шаг к Кубку Шести Наций

Фото Серго Эдишерашвили

МАРТВИЛЬСКИЙ КАНЬОН
Фото Александра Матвеева